

ЭНДРЮ МЭЙН

**УВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ
СТЕКЛО**

Эндрю Мэйн
Увеличительное стекло
Серия «Охотник», книга 2
Серия «Смертельная угроза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49575679

Увеличительное стекло: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-117376-0

Аннотация

Доктор Тео Крей поймал одного из самых жестоких серийных убийц в истории, используя революционные научные методы. С тех пор в его жизни произошли серьезные перемены: он больше не может преподавать в университете и теперь работает в секретном подразделении Разведывательного управления. Но новая реальность вовсе не по душе Тео, и он берется за очередное расследование.

Отчаявшийся отец пропавшего ребенка, игнорируемый полицией и властями, обращается к доктору Крею за помощью. Все, что имеется в распоряжении Тео, – детские рисунки и городская легенда о человеке по имени Тоймен.

Чтобы разобраться в этом деле, доктор Крей должен на время отказаться от своих научных предубеждений и погрузиться в мир, в котором фантазии и ночные кошмары не менее значимы, чем объективная реальность. С каждым новым витком расследования

масштабы преступного заговора лишь увеличиваются, а времени на спасение очередной жертвы становится все меньше...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	66
Глава 10	71
Глава 11	77
Глава 12	81
Глава 13	90
Глава 14	96
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Эндрю Мэйн

Увеличительное стекло

Andrew Mayne

THE LOOKING GLASS

© Andrew Mayne, 2018

© Перевод. А. Попов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Пролог

Дворняга

В переулке Тико пнул сдутый футбольный мяч и засмеялся, глядя, как Мау-Мау, бурый щенок с пожеванным ухом, загоняет его в лужу, разбрызгивая грязную воду. Тико любил Мау-Мау. Не то чтобы это был его щенок, скорее просто деревенская собака, каких много кругом – ищут объедки или гоняются за крысами, когда даже объедков нет. Но Мау-Мау был лучшим другом Тико.

Как и пес, Тико являлся изгоем, мать избавилась от него, когда мальчику исполнилось три года и она поняла, что белая кожа и красноватые глаза никуда не денутся. Она много молилась, даже пригласила знахарку из соседней деревни, чтобы та попыталась изгнать зло. Но и это не сработало.

Когда другие начали винить мать Тико, что та родила ведьмёныша, она стала отсылать его подальше и на подольше. Не кормить его мать не могла, но Тико приходилось есть на улице, а потом отпрапляться с поручениями все дальше, и никому не было дела, вернется ли он назад. В четыре года Тико слышал, как мать объясняет другой женщине, что он вовсе не ее сын, а на самом деле несчастный ребенок подруги, которого она выхаживает. Тико был уверен, что это неправда, но не винил мать. Он знал, что не такой, как все,

и поэтому матери нелегко. Снова забеременев, она однажды вышла на порог и громко, чтобы слышали все соседи, объявила, что Тико чужой и делать ему тут нечего, пусть убирается. С того дня в дом Тико больше не пускали. Иногда по ночам, если он плакал от голода у порога, мать могла дать немного еды. Но если с ней был мужчина, она снова прогнала Тико, притворяясь, что не знает его.

Он научился выживать, не попадаясь людям на глаза и узнав, что есть те, кто помогут, опять-таки при условии, что этого никто не увидит. Одна бездетная старая леди давала ему полпирога или немного рисовой каши, если оставалась лишняя. Был г-н Инару из ремонтной мастерской, двор которой заполняли ржавые детали машин. Он разрешал Тико ночевать там и прятаться от других детей. Мальчишки всегда гонялись за ним, а поймав, били, драли за волосы, называли ведьминым сыном.

Вот он и любил Мау-Мау, собака не ненавидела его и даже не терпела – щенок лизал лицо и сидел рядом с мальчиком, когда шел дождь или было холодно. Тико опустился на колени, погладил Мау-Мау и поднял мяч. Интересно, сможет ли г-н Инару починить его, чтобы мяч держал воздух. Хотя, конечно, другие дети все равно отберут рано или поздно.

Засмотревшись на мяч, Тико не сразу заметил в луже еще одно отражение. Человек, очень высокий мужчина, улыбался ему. Тико посмотрел на доброго человека. Он был в черных брюках и белой рубашке, мужчины в деревне одевались

так на работу или важные мероприятия.

– Ты Тико? – спросил мужчина таким властным, но теплым голосом, что Тико ответил бы утвердительно, даже поинтересуйся незнакомец, не жираф ли он. Вместо этого мальчик просто кивнул, слишком нервничая, чтобы говорить. Человек взял его за подбородок и покрутил голову Тико из стороны в сторону. В его взгляде не было привычного отвращения, незнакомец смотрел на Тико, как тот на Мау-Мау.

– Ты очень хороший мальчик. Хочешь прокатиться на грузовике?

Тико никогда не катался на грузовике, но видел, как они проезжают по деревне, когда людям с оружием было нужно куда-то далеко-далеко. Иногда грузовики возвращались, а мужчины в кузове кричали от боли, зажимая кровоточащие раны. Мальчик кивнул. Покататься на грузовике – звучит захватывающе. Особенно с этим человеком. Мужчина взял Тико за руку и повел к зеленой машине, припаркованной в конце переулка.

Когда Тико оглянулся на Мау-Мау, щенок сидел на краю лужи, склонив голову набок, словно пытался понять что-то слишком сложное для своего возраста. Мальчик помахал рукой. На мгновение он мог поклясться, что видел лицо матери, выглянувшей из-за угла. Но когда снова повернулся, она исчезла.

Мужчина открыл дверь машины, и Тико взобрался на си-

денье. Он расплылся в улыбке при мысли, как будут завидовать другие дети, когда увидят его в этом грузовике. Но человек не поехал по деревне — он повез Тико прочь, выбрав дорогу, которая вела сразу в перелесок, миновав лишь несколько домов, и даже не заворачивала в другие деревни.

Тико смотрел, как его городок растворяется в пыльном зеркале заднего вида, и вдруг краем глаза заметил, что улыбка пропала с лица симпатичного мужчины. Это был совсем не тот человек, что появился в отражении в луже. Тико никогда бы не сел к нему в грузовик. Это был тот, кем пугали и дразнили Тико другие мальчишки, — человек, который забирал ведьминых детей. Навсегда.

Глава 1

Первый пошел

Я играю в видеоигру, в которой можно убивать по-настоящему. Официально это не игра, а специальная программа – Виртуальная Тактическая Обстановка, но, по сути, именно видеоигра. В реальности это несколько комнат, где на каждую стену проецируют видео, создавая виртуальное пространство – точную копию настоящей квартиры далеко-далеко отсюда.

Сейчас Виртуальная Тактическая Обстановка воспроизводит квартиру в Хойе, пригороде к северу от Парижа. Жилец квартиры, Йосеф Амир, ИТ-сотрудник французского банка, отмечает день рождения сестры на другом конце города. Пока его нет, двое оперативников находятся в его квартире во Франции. Один из них снимает все, что внутри, камерой высокого разрешения, превращая пикселизированное изображение на наших стенах в картинку, по качеству неотличимую от настоящих обоев. Между тем второй – мы зовем его Мутный, потому что камеры ловят только его размытый силуэт, когда он перемещается по квартире, – небольшим устройством, похожим на фонарик, собирает волосы из душа, волокна с мебели, пыль с ботинок и с коврика у двери.

Каждые несколько минут он вытаскивает картридж из

своего устройства и передает его третьему человеку, который бегают туда-сюда между квартирой и грузовиком *FedEx*, стоящим на улице. В нем оборудование стоимостью около 20 миллионов долларов, таким гордилась бы любая университетская лаборатория, в режиме реального времени оно расшифровывает ДНК, ищет совпадения, пытается построить портрет каждого, с кем контактировал Йосеф, и отправляет все это нам. Огромное количество данных. К счастью, у нас есть программы, которые помогают все это обработать и достичь главной цели: узнать, взорвется ли бомба на футбольном стадионе в ближайшие двадцать четыре часа.

Имя Йосефа всплыло в перехваченном телефонном звонке рассекреченного члена ИГИЛ из Йемена своему подельнику во Франции. Еще недавно спецслужбы просто вызвали бы Йосефа на допрос и проверили всех, кого он знает, но в последнее время это проблематично. Террористы работают под именами обычных, ни в чем не повинных граждан, в результате чего на допросы таскают куда больше людей, чем об этом можно писать в новостях, и переворачивают им жизнь, пока настоящие преступники разгуливают на свободе.

– Доктор Крей, доктор Сандерс? – спрашивает Эмили Биркетт.

Она – наш куратор от Разведывательного управления министерства обороны. Сильно за тридцать, каштановые волосы стянуты в хвостик, Биркетт – офицер военно-воздушных сил, которая перешла на работу в самую страшную и таин-

ственную из всех спецслужб.

Керри Сандерс и я – гражданские. Сандерс – антрополог, моя ровесница. Ей тридцать с небольшим, прежде чем приступить к работе в OpenSkyAI несколько лет помогала «Фейсбуку» составлять социальные профили пользователей – кого вы знаете, с кем общаетесь, кто для вас особенно дорог.

На первый взгляд OpenSkyAI ничем не отличается от любой другой высокотехнологичной компании из Остина, штат Техас, офис которой расположен в непримечательном бизнес-центре, населенном в основном производителями видеоигр и медицинского оборудования.

На самом же деле OpenSkyAI – частный подрядчик Разведуправления минобороны, который помогает сортировать данные о тысячах людей, решая, кого схватят и отвезут на тайный допрос, чтобы выяснить, не собираются ли эти люди совершить преступление, создающее непосредственную угрозу национальной безопасности, или, может быть, знают кого-то, кто собирается.

Сандерс изучает лица с фотографий в квартире Йосефа.

– Совпадений нет.

– Тео? – переспрашивает меня Биркетт, на этот раз нетерпеливо. – Йосеф возвращается! Можно отзывать команду?

Я хожу по квартире – ну, по виртуальной копии, – заглядывая в открытые шкафы и комоды, пытаюсь увидеть невидимое, в то время как что-то в глубине моего сознания зада-

ется вопросом, как, черт возьми, я вообще здесь оказался.

– Я думаю, он чист, – говорит Сандерс.

Мне хочется с ней согласиться. При мысли о том, что все эти проблемы у Йосефа возникли только потому, что какой-то мудака в Йемене нагуглил его имя, меня тошнит. Но еще я знаю, что не имею права остановиться раньше времени лишь из-за того, что меня тошнит.

Я возвращаюсь в кухню. Холодильник Йосефа облеплен фотографиями. На большинстве из них – он сам с девушкой или друзьями, улыбается в камеру, смеется над столом, заставленным стаканами. Ровно то, чего ожидаешь от типичного парижского миллениала.

Мы уже изучили его поведение в Интернете. Каждый пост в «Фейсбуке», каждый лайк, каждый лайкнувший его посты – все прошло через нашу систему.

Никаких красных флагов. Это не значит, что его вообще ничего не связывает с подозрительными типами. На самом деле мы все связаны с чем-то или с кем-то ужасным. У Йосефа – дядя в Катаре, который ходил в ту же мечеть, что и боевик ИГИЛ, но в нынешнем мире, где все так или иначе связаны со всеми, это в лучшем случае незначительное совпадение.

Проблема поиска цифровых следов заключается в том, что террористы стали умнее. Они знают, как отделить одну жизнь от другой. Мы можем следить за Йосефом, но, если у него есть альтер эго и он достаточно умен, чтобы никогда не

смешивать жизнь тайную и явную, поймать его почти невозможно. К счастью, большинство в какой-то момент ошибается. К сожалению, те, кто этого не делают, умнее наших систем. Мы построили лабиринт, в котором крысы умнеют.

– Крей, – говорит Биркетт. – Я отзываю команду!

– Нет! – отвечаю я несколько резче, чем планировал.

– Что у тебя? – спрашивает она.

– Погоди...

– Интуиция?

– Я – ученый. Я учился, чтобы знать точно, а не полагаться на интуицию. Дай мне еще несколько минут.

– У нас уже есть все, что нужно, – говорит Сандерс. Можно отзывать команду и спокойно изучать материал тут.

– Нельзя... – Я пытался объяснить это им раз сто.

Виртуальная модель, даже основанная на реальных данных, все равно остается моделью. Я знаю, что на столе стоит банка с арахисовым маслом, но не могу быть уверен, что это действительно арахисовое масло, пока кто-нибудь из оперативников не проверит. Это может быть С-4. Я уверен, что на самом деле – нет, но гипотетически это возможно.

Для поверхностного сбора данных – а у нас тут все поверхностно – это так называемое неинвазивное обследование полезно, но оно не заменит хорошую лабораторию.

– Если что, мы можем взять Йосефа, когда он выйдет из метро. Но вы должны дать мне знать, – говорит Биркетт.

Я опускаюсь на колени, чтобы рассмотреть фотографии

на холодильнике. Большинство из них распечатаны на принтере. Сандерс стоит позади меня.

– У нас есть все фотографии. Мы прогнали все лица через базу – никаких совпадений.

Я тянусь за фотографией, забыв, что она виртуальная.

– Вот эта. Попросите Мутного взглянуть поближе.

Йосеф улыбается в камеру рядом с молодой зеленоглазой девушкой восточной внешности. На вид – двадцать с небольшим лет и выглядит сногшибательно.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Ее нет в нашей базе данных. Можем расширить параметры поиска, но по имеющимся фильтрам не проходит.

Мутный переворачивает фотографию. На обороте дата – март – и название фирмы «Лучшие события».

– Берем его, – говорю я Биркетт.

Она что-то командует в гарнитуру.

– Есть перехват.

– Кто это? – повторяет Сандерс мой вопрос.

– Черт ее знает. Фотография с одноразовой камеры. Знаешь, покупают на свадьбу, потом отправляют в проявку и получают фото уже в цифровом виде.

– Но, по нашим данным, Йосеф не был ни на какой свадьбе, – отвечает Сандерс.

Я встаю и поворачиваюсь к ней и Биркетт.

– Вот именно! Обычно они посылают файлы с фотографиями. А Йосеф эту фотографию печатал не из файла, ина-

че мы бы ее уже видели. Он заморочился с пленкой, чтобы не оставлять электронных следов.

Я обращаюсь к оператору, контролирующему визуализацию:

– Загрузите квартиру Мосина Касира.

Мы мгновенно телепортируемся в квартиру в Йемене, которую полевая команда обыскала четыре дня назад. На стене над столом у Мосина висят десятки фотографий.

– Но ее нет на этих фото, – говорит Сандерс. – Программа отметила бы.

Я указываю на фотографию Мосина с пожилой женщиной, чьи зеленые глаза – постаревшая копия глаз девушки.

– Кто это?

Сандерс сверяется с планшетом.

– Сестра бабушки. Обратная сторона фотографии есть?

Я качаю головой:

– Нет. Но размер распечатки и камера – явно те же. Двоюродный брат Мосина женился в марте. И, по нашим данным, Йосеф в это время был в Бахрейне. Возможно, на самом деле тогда он находился в Йемене.

– Поняла, – отвечает Биркетт. – Хорошая работа, Крей. Йосефа взяли. Скоро узнаем точно. А еще запросим фотографии у продавца камеры. Кто знает, что там еще откроется.

Она сияет. Если Йосеф действительно террорист, это оправдывает все расходы на операцию перед начальством.

– С этого момента оперативники будут сканировать все фото с обеих сторон, – говорит Сандерс, делая пометку.

Я хочу объяснить, что дело не в этом, но знаю, что бесполезно. Они все поздравляют друг друга с успехом, хотя все, что у нас есть, – это корреляция.

Я выхожу из кабинета под жаркое техасское солнце, бьющее в раскаленный асфальт стоянки, пытаюсь сказать себе, что все хорошо. Но меня продолжает беспокоить, что наши методы и сам процесс могут принести больше вреда, чем пользы. По крайней мере, их должны применять другие люди, которые лучше нас и заняты лучшими делами.

По дороге домой я вновь пытаюсь понять, как, начав с череды трупов, я оказался в лаборатории спецслужб.

Глава 2

Ковбои и индейцы

Год назад я работал в колледже, специальность – вычислительная биология. Пытался строить прогнозирующие модели окружающего мира. Работа интересная и важная – результаты могли объяснять причины распространения инфекций и вымирания неандертальцев. Потом я встретил серийного убийцу по имени Джо Вик, и все изменилось.

Он убил мою бывшую студентку, и на некоторое время я оказался подозреваемым. Погибшая занималась собственными исследованиями в той же местности в Монтане, что и я, и полиции это показалось больше чем совпадением. Все же меня скоро выпустили, решив, что Джунипер Парсонс загрыз медведь – это была не первая жертва, от которой Джо Вик избавился, симитировав нападение гризли.

Попытавшись понять, что произошло с Джунипер, я нашел больше жертв и еще больше полицейских, не видевших дальше собственного носа. В конце концов, тел и улик скопилось столько, что я смог найти и Джо. Арест взбесившегося убийцы стоил жизнью его собственной семье и семи полицейским. Моя жизнь тоже висела на волоске.

Некоторые считают меня героем, ведь я нашел Гризли-Убийцу и помог его прикончить. Полиция в этом сомне-

вается. Что до меня, то каждый вечер, ложась в кровать, я представляю себе тысячи разных сценариев, в которых мог поступить иначе, чем поступил, – и во многих из них погибшие люди остались бы живы.

Лично меня больше всего беспокоит отсутствие чувства вины – только пустоты в душе на месте эмоций.

Джиллиан, женщина, которая спасла жизнь мне и человеку, прикончившему Джо, заходила неделю назад. Мы пытались разобраться, есть ли что-то между нами. Проблема в том, что я отчетливо ощущаю внутри себя место с пометкой «Джиллиан», но не могу сказать, для нее ли оно, и вообще, есть ли в моей душе для кого-то место.

Подобное со мной творилось еще до встречи с Джо, так что его вины в этом нет. Он просто вытащил все это на поверхность. Я даже не знаю, могу ли относиться к Джо как к человеку.

После этой истории, после бесконечных допросов и объяснений моих методов работы скептически настроенным полицейским я секвенировал ДНК Джо в попытках найти ответы на собственные вопросы. И нашел: это был ген, связанный с АРОЕ-е4, так называемым геном риска. У Джо была вариация, не встречавшаяся раньше. Если объяснять грубо – в статье или разговоре с коллегой я себе такого ни в коем случае не позволю, – у Джо одновременно имелись врожденная потребность рисковать и элементы обсессивно-компульсивного поведения, присущего некоторым великим гольфи-

стам или блестящим нейрохирургам. Джо испытывал такие же острые ощущения от экстремального риска, какие гроссмейстер получает от блестящего гамбита. Расчет, за которым следует эйфория.

Но это только половина проблемы. Нас с вами будет мучить совесть за совершенный проступок, даже если наказания не последует. А вот Джо, наоборот, будет испытывать восторг и искать новых возможностей нарушить правила. Он получал кайф не только от злодейств, но и от той замысловатой последовательности действий, которую выстраивал, чтобы избежать ответственности.

Его убийства походили на поведение большой белой акулы. Когда я заглянул в его ДНК, то понял, что эти корреляции неслучайны. Тот же алгоритм, что управляет акулой, может управлять и компьютерным вирусом, захватывающим Сеть, или убийцей в поисках добычи.

Когда Биркетт вербовала меня, то обещала охоту на убийц, таких как Джо. Это оказалось не совсем правдой. В то время как война с террором, безусловно, важна, и я твердо уверен, что людей, направляющих грузовик со взрывчаткой в толпу прохожих или убеждающих подростков с синдромом Дауна надеть пояс шахида, нужно остановить, – в наших методах я уверен далеко не всегда.

Стоило мне произнести одно слово – и Йосеф Амир был схвачен, брошен в фургон и, вероятно, отвезен в какой-то секретный подвал, где французская разведка, американцы и

бог знает кто еще попытают у него всю подноготную. Мне не говорят, что и как они делают. Однако в последнее время подозрительно мало исследований, связанных с психотропными препаратами и речевым аппаратом. Точно так же, как отсутствие работ по квантовым вычислениям свидетельствует, что АНБ, ЦРУ, Управление военно-космической разведки и их частные подрядчики охотятся и нанимают всех, кто имеет хоть какую-то квалификацию для эффективной работы над сверхсовременными алгоритмами расшифровки. Отсутствие исследований здесь подсказывает, что разведывательное сообщество успешно создает так называемые сыворотки правды и другие препараты, делающие людей сговорчивыми.

Таким специалистам, как я, и таким компаниям, как OpenSkyAI с его Виртуальной Тактической Обстановкой, доверяют гораздо больше, чем мы заслуживаем. Да, результаты есть, но я не уверен, что это потому, что наши методы так хороши или просто раньше все было настолько плохо.

Жужжит телефон. Я ставлю пиво на стол рядом с контейнерами из-под еды на вынос и проверяю, может, это ответила Джиллиан.

Биркетт: «Ведем на 7 очков».

Это код – Йосеф выдал семь других заговорщиков. Официально я не должен этого знать. Я – гражданский подрядчик с очень скромным допуском, но Биркетт нравится делать мне приятное – или, по крайней мере, то, что она таковым считает.

Следующее сообщение от нее же: «Встреча с боссом в 9».

Наш босс, не глава OpenSkyAI, а Брюс Кавено, куратор из Разведуправления, который заведует нашим бюджетом, меня пугает. На вид это добродушный пятидесятилетний мужчина. Такие вызываются добровольцами кормить бездомных в своей церкви на День благодарения и помогают незнакомцам сменить пробитое колесо.

Меня пугает его влияние. Через несколько недель после начала работы в OpenSkyAI, во время моего первого визита к нему я поделился некоторыми сомнениями относительно наших методов профилирования. Когда он спросил, что я предлагаю поменять, я подумал о Джо Вике и рассказал об идее поиска генов риска у потенциальных террористов.

– Девятьсот тысяч долларов хватит? – спросил он.

– На что? – не понял я.

– Чтобы построить установку, которая сможет это сделать.

Большие суммы мне нужно согласовывать, а девятьсот тысяч на создание лаборатории могу выделить прямо сейчас. Рабочий прототип мне нужен через пять месяцев.

На основе брошенной вскользь фразы этот человек был готов выделить практически миллион долларов на создание гаджета для поиска ДНК-маркеров, которые теоретически могли быть связаны с поведением потенциальных террористов.

Теоретически – могли. Корреляция и причинно-следственная связь – не одно и то же, хотя зачастую близки.

Я пришел в ужас от идеи дать рвущемуся в бой полево-
му агенту ЦРУ или разведки псевдонаучный прибор, ко-
торый оправдает арест любого, кто покажется подозритель-
ным. Представил, как ДНК «пострадавших гражданских»,
случайно убитых в перестрелке с террористами, могут стать
поводом объявить их на самом деле законной целью опера-
ции. Еще один способ занизить потери среди мирного насе-
ления в бесконечной войне с террором.

Кавено ни о чем подобном, ясное дело, не думал. Он про-
сто хотел ловить преступников. Реальная опасность вовсе не
в том, как пишут колумнисты «Атлантик» или редакторы
«Нью-Йорк Таймс», что хорошие парни становятся плохи-
ми. Реальная опасность в том, что хорошие парни делают и
будут делать очень плохие вещи, совершенно не думая, что
это плохо. Именно поэтому люди, которые готовы снять по-
следнюю рубашку, чтобы помочь бедным и голодным, опол-
чаются на генетически модифицированные овощи, даже ес-
ли они могут спасти миллионы детей от слепоты или голода.
Именно эти люди хотят демократии на Ближнем Востоке, но
строят военные базы вместо школ и больниц.

Реальная опасность приходит тогда, когда такие, как Брюс
Кавено, дают таким, как я, неограниченные бюджеты на со-
здание гаджетов и программ, тратя время, деньги и ресур-
сы, которые могли бы напрямую спасти жизни. А результа-
ты, которые мы выдаем, слишком расплывчаты и непонятны,
чтобы из них можно было сделать хороший отчет для сена-

торов.

С тех пор я научился не болтать в присутствии Кавено. К сожалению, Биркетт создала у него впечатление, что я – какой-то аналитический гений. В научных кругах после истории с Джо Виком меня сторонились, а вот в военной разведке стали считать эдаким Темным Рыцарем – мстителем от науки.

Джиллиан говорит, что я зря так остро реагирую, но есть вещи, о которых она никогда не узнает: например, что ракетный удар с беспилотников по Йемену, о котором только и говорят в новостях, был нанесен из-за моих слов утром. Или что на фотографии одной из жертв, которую показывают все арабские СМИ, – та самая зеленоглазая девушка, которую я видел на холодильнике Йосефа.

Потери среди гражданских.

Глава 3

Предокс

Брюс Кавено расплывается в широкой улыбке, когда я вхожу в переговорку, которую он объявил своим штабом на время посещения OpenSkyAI. Напротив него сидят Биркетт и Тревор Парк, основатель и директор компании. До работы на правительство Парк занимался играми и системами обработки изображений. По слухам, Виртуальная Тактическая Обстановка – ВТО – была создана, когда чины в разных спецслужбах стали жаловаться на необходимость настоящей работы «в поле» и захотели, чтобы все было, «как у военных с беспилотниками». А там, как мы знаем, и пилот, и руководитель операции сидят в комнате с удобствами и кондиционером где-нибудь в Неваде, а вовсе не в зоне, где вот-вот начнут взрываться сброшенные ими бомбы.

Я-то, конечно, далек от тонкостей разведки, но мой внутренний ученый говорит, что к изучаемому предмету нужно подобраться как можно ближе. Потому что ты никогда не знаешь, какой вопрос задать, чтобы разгадать загадку, пока не столкнешься с ней лицом к лицу. Возможность перевернуть фотографию в квартире Йосефа в буквальном смысле изменила мир к лучшему или худшему. Впрочем, еще недавно никто в Разведуправлении не подпустил бы млад-

шего аналитика, типа меня, к ВТО, только спецов с высоким допуском.

Все поменялось после того, как я принял участие в первых тестовых прогонах системы и указал буквально сорок мест, где оперативник не взял образцы, а фотограф проигнорировал кучу важных деталей, например, даже не проверил, что книги на полке в действительности те, что указаны на корешках. Встроенные алгоритмы ВТО проверяют заголовки книг на полках потенциального террориста и информируют о наличии радикализирующего содержания, а также о совпадении с книгами, имеющимися у других подозреваемых. Но они не могут предупредить, что в одной из книг вместо страниц тайник с телефоном.

Все присутствующие в переговорной выглядят весьма довольными. Я сажусь. Биркетт выжидательно смотрит на Кавено. Перед ним на столе – конверт с надписью «Секретно», который он толкает в мою сторону.

– Это от французской контрразведки. Думаю, вы имеете право знать, что сделали.

Я с опаской вытряхиваю из конверта несколько фотографий, боясь, что на них будут последствия удара. Но на фото оказывается стадион, трибуны которого заполнены людьми. Поверх одной из трибун нарисован круг, в который попадает с сотню человек.

– Примерный радиус поражения бомбы, которую мы нашли в Ницце. Была зашита в подкладку куртки, принадле-

жавшей товарищу Йосефа Амира. У него имелись билеты на эту игру и эту трибуну. Фотография сделана вчера непосредственно после того, как бомбу нашли у него в квартире.

Я смотрю на лица коллег и внезапно представляю, как в другой жизни читаю новость о трагедии на стадионе, трачу примерно 8 секунд на печальные размышления о ней, а потом переключаюсь на что-нибудь более позитивное... Привычка, которую я осознал, только когда Керри Сандерс указала мне на нее.

Я возвращаю фото.

– А Йемен?

– Не понял? – переспрашивает Кавено.

Парк, видимо, напрягается. Он не любит, когда я лезу в бутылку, но еще он знает, что лишь слово – и мне выделяют собственную лабораторию и бюджет.

– В новостях говорили о бомбовом ударе в Йемене. Уничтожено несколько полевых командиров ИГИЛ. С семьями.

– Там уже год гражданская война. И такое случается регулярно. Не пойму, при чем здесь этот удар?

– Это сделали не правительственные войска и не повстанцы, а французские или американские военные.

Кавено поворачивается к Парку.

– Не могли бы вы с Сандерс на пару минут оставить нас с доктором Креем?

Они неуклюже выбираются из-за стола и выходят. Парк злобно оглядывается через плечо, недовольный, что из-за

меня его выставляют из собственной переговоровки. Кавено ждет, пока за ними закроется дверь.

– Доктор Крей, я даже вообразить себе не могу, как работают ваши мозги. Но проблема с башней из слоновой кости в том, что, сидя в ней, вы не в курсе, как делаются дела на земле.

Я в целом согласен и не хочу его прерывать.

– Был ли этот удар связан с тем, что мы выяснили в ходе вчерашней операции? Я не знаю, честно. Но знаю, что правила нашей игры несколько отличаются от того, к чему привыкли вы. Если они переносят свою войну на нашу землю, мы не можем просто отлавливать несчастных ублюдков, которых отправляют непосредственно на задание, – мы должны достать руководителей и вдохновителей. И не через недели и месяцы после того, как они сделали здесь свое грязное дело. Надо отвечать быстро и жестоко!

– Вы уверены, что мы взорвали тех, кого нужно? Как насчет девушки!

– Какой девушки?

– Про которую трубят все арабские телеканалы. Девушка с фотографии на холодильнике Йосефа.

Кавено кивает.

– Та гражданская? Помолимся за нее. И за всех детей, погибших от наших бомб. Хотел бы я, чтобы этих смертей не было. – Он яростно тыкает пальцем в фотографию людей на стадионе.

– Сотню жизней спасли! Десяток убили. Считай сам.

Господи, да я пытался. И как сравнить известное с неизвестным? Никак! Все равно, в конце концов, все сводится к выбору того варианта статистики, в который тебе больше нравится верить.

– Доктор Крей, я был бы безмерно рад иметь возможность обойтись без смертей. Сделать все иначе. Я предлагал вам бюджет. Я рассказал начальству о вашей идее гена террориста. Лаборатория в Мэриленде уже изучает его.

– Ген террориста?! – вырывается у меня. – О чем вы, черт подери?

– Вы упоминали, что некоторые люди генетически предрасположены к террористической деятельности. Вы не стали развивать мысль, так что мы набрали команду специалистов, которые захотели продолжить работу над этой темой и сделать полевой анализатор.

Усилием воли я сдерживаюсь, чтобы не повышать голос.

– Это бред. Мы даже не можем с уверенностью говорить о наличии корреляции. А если бы и могли, то не знаем, можно ли включать и выключать этот ген. В реальной жизни на радикализацию человека влияют тысячи факторов. Мы не имеем права сажать людей просто из-за наличия одного гена в ДНК.

– Большинство террористических актов совершается адептами религии, которую исповедуют двадцать процентов населения. Это совпадение?

– А убийства в Чикаго составляют половину прироста убийств по всей стране за прошлый год. Это из-за чикагской пиццы с бортиками или потому, что там стало невыносимо жить?

Кавено усмехается.

– Этот ваш мозг! Готов поспорить, такое сравнение справедливо, но никем раньше не упоминалось. Продолжайте в том же духе. Я здесь для того, чтобы поздравить вас со спасением сотни жизней и уверить, что если есть другой способ, давайте его найдем. Помнится, вы говорили, что работаете над новой версией программы, с помощью которой поймали Гризли-Убийцу. Как вы ее назвали? Предокс? Можно уже посмотреть ее в деле?

– Нет. Я столкнулся с техническими проблемами и забросил работу над ней, когда перешел сюда.

– Очень жаль! Если бы ваши технологии поиска серийных убийц можно было применить для поиска террористов, мир стал бы лучше.

Да уж, я бы тоже хотел сделать мир лучше. Но чем дальше, тем больше я оказываюсь в такой тьме, что не просто перестаю различать нравственные ориентиры, а сомневаюсь, остались ли они вообще. Одно дело – поймать террориста, который собирается взорвать бомбу в толпе, и совсем другое – знать, что твой успех в его поимке станет поводом для авиаудара по людям, которые могут быть невиновными. Именно поэтому я опасаюсь действий вот таких хороших парней, как

Кавено, если они получают прибор, который точно укажет на потенциальных плохих парней.

– Подумайте об этом, – говорит Кавено. – Ну, или хотя бы о том, чтобы вернуться к преподаванию.

– Колледж?

– Нет. Военным и сотрудникам спецслужб. Может быть, хоть кто-то сможет перенять ваш ум.

– Я подумаю.

Он даже не представляет, как соблазнительно звучит возможность получить собственную лабораторию и снова преподавать. Или представляет? И на что я согласен ради этого? В чем готов солгать самому себе?

Глава 4

Фан-клуб

После поимки одного из самых известных серийных убийц ваша жизнь может измениться неожиданным образом. Для начала полиция, которая еще недавно вообще не верила, что убийства связаны и совершены одним человеком, создает абсолютно новую версию истории, в которой бравые полицейские давно следили за преступником и были чрезвычайно близки к его поимке. Это ладно, пусть рассказывают журналистам, как они трудились в поте лица и почти достигли успеха.

Куда сложнее справиться с тем, что ты из одинокого борца с ветряными мельницами превращаешься в псевдознаменитость, а количество входящих запросов самого разного характера моментально превышает все мыслимые пределы. Моя почта ломится от просьб найти пропавшего родственника, теорий заговора, и как минимум раз в неделю очередной псих пишет, что на самом деле это он Гризли-Убийца и мне конец. Я пересылаю все это в ФБР и регулярно обновляю разрешение на скрытое ношение оружия.

Посреди всего этого шума теряются множество голосов несчастных, которые искренне страдают, потеряв близких. Им некуда больше обратиться, этим матерям пропавших де-

тей, мужьям, чьи жены не вернулись из магазина, и многим-многим другим, оставшимся без родных и близких. Раньше я старался отвечать на все письма, перенаправлял их в организации по поиску пропавших без вести или в полицию. Но однажды я понял, что больше не могу. На это уходили часы и дни, а меня самого становилось все меньше.

Проблема в том, что каждому его собственный случай кажется уникальным. Как охотникам за автографами, сотнями гоняющимся за звездой, — им кажется, что для звезды эта встреча будет так же уникальна, как для них самих. Но это не так. В Соединенных Штатах на любой наперед заданный момент времени числится девяносто тысяч пропавших людей. И это только зарегистрированные случаи. Охотясь за Гризли-Убийцей, мы выяснили, что многие его жертвы не были зарегистрированы как пропавшие, об их исчезновении никто не знал. Это значит, что счет убитых Джо Викам на самом деле шел на сотни, если не больше. В результате каждый, кто обращается ко мне со своим «уникальным» случаем, на самом деле лишь один из девяноста тысяч. Статистическая погрешность, как бы цинично это ни звучало.

И вот когда, возвращаясь домой, я вижу на крыльце человека с конвертом в руке, я заранее знаю его историю. Если бы он нервно расхаживал туда-сюда, поминутно затягиваясь сигаретой, то следовало бы ожидать очередной теории заговора, рассказа о том, что Джо Вика на самом деле тренировали в ЦРУ, а Земля плоская. На это у меня был стандартный от-

вет: «Существуют ли аргументы, которые смогут вас убедить в обратном?» Для адептов «истинной истины», приверженцев теории «высадка на Луне – фейк» и радикалов любого разлива ответ был всегда один: аргументов не существует!

Ну, а если никакие аргументы не могут убедить человека, что он ошибается, значит, мы вышли за пределы рациональной мысли и находимся в зоне чистой веры. А идея соединить веру и науку меня всегда от души сместила своей утопичностью. Наука основана на том, что факты и логика объясняют реальность, а если факты не подтверждают теорию – теория ошибочна. С верой все наоборот: если факт не подтверждает веру, значит – это плохой факт и от него нужно отказаться.

В следующий раз, когда вас втянут в спор о политике, остановитесь и спросите себя: что сможет убедить вас сменить точку зрения? Если ничего, тогда признайте, что вы на самом деле ведете религиозный диспут, адепт одной религии с адептом другой.

Да, я говорил, что у меня нет страницы на «Фейсбуке»? Я завязал с социальными сетями, когда понял, что в них мои коллеги-ученые, совершенно забыв принципы логики и доказательности, начинают спорить, ругаться и выдвигать аргументы, которые диктуют эмоции и вера, а никак не научный подход. Но если соцсети можно отключить, а психов отправить действовать на нервы кому-нибудь другому, то с теми, кто действительно потерял любимого человека, сложнее

всего. Их боль реальна. Их действительность проще и ужаснее моей.

Вылезая из машины, я отчетливо представил, что произойдет дальше. Темнокожий мужчина средних лет в пиджаке поверх голубого свитера достанет из конверта фотографию и начнет показывать ее мне. Это будет фото пропавшей жены, сына или дочери. Полиция ни чем не может помочь, он нашел меня в Сети, я – его последняя надежда. Я снова завожу двигатель и собираюсь сдать задом со своей парковки. Если я не увижу этой фотографии, меня ничего не будет связывать с этим человеком. Я просто дождусь, пока он уйдет. А если он будет ждать, вызову полицию. Имею право, между прочим.

Направляясь к выезду из жилого комплекса, я прикидываю, где можно поужинать, с чистой совестью игнорируя человека на крыльце. Я и так сделал больше, чем можно ожидать от любого. Тео Крея и так почти не осталось. Но, черт подери, кто вообще такой этот Тео? Что от него все-таки осталось? Та часть, которой плевать?

Когда я сидел, скорчившись, в машине скорой помощи в ожидании, что Джо Вик вот-вот доберется до нас с Джиллиан, детектив Гленн был снаружи, чтобы защитить нас. Да, я не струсил. И Джиллиан не струсил, о господи, нет! Но основной удар принял на себя Гленн. Он погиб, мы выжили. Будь Гленн на моем месте сейчас, уехал бы он? Бросил бы мужчину на крыльце?

Ах, чтоб меня!

Я снова разворачиваюсь и еду обратно на парковку. Делаю глубокий вдох и пытаюсь сообразить, как хотя бы выслушать его спокойно, утешить, помочь примириться с тем, что он и так знает: человек на фотографии мертв. Его не вернуть. А если это произошло недели или месяцы назад, то убийцу тоже уже не найти. Откуда я знаю? Очень просто: оставайся хоть какая-то надежда, он не сидел бы на моем крыльце. Ко мне не приходят с простыми случаями. «Убийца – садовник с криминальным прошлым» – это не про меня. Только с теми, где нет ни свидетелей, ни улики, даже тела – только пустота на месте человека. Но я не могу заполнить эту пустоту. Чего уж там, я не могу заполнить пустоту в собственной душе, где, по идее, должны быть близкие мне люди.

– Доктор Крей? – обращается ко мне мужчина.

– Один час. Это все, чем я могу помочь.

Он уже достает фотографию.

Черт! Все, я попал. На фото – зеленоглазый мальчик. Да, с такими же зелеными глазами, как убитая в Йемене. Совпадение! Я видел фотографии тысяч пропавших. Из них множество зеленоглазых. Но надо же было этому попасться именно сегодня! Появляется ощущение, что дело отнимет куда больше часа моего времени.

Глава 5

Бухгалтер

– Доктор Крей, спасибо, что смогли уделить время! Я – большой поклонник ваших работ.

Не уверен, что у народных мстителей должны быть поклонники, но ладно, примем это за комплимент.

– У меня оставалась пара пива, сейчас принесу, и вы скажете мне о...

– Кристофер, мой сын Кристофер. А я – Вильям, Вильям Бостром.

Ну все, теперь у пропавшего есть лицо и имя. Кристофер стремительно перестает быть просто конвертом с фотографией, который можно проигнорировать.

Мы входим, и я приглашаю Вильяма за стол в кухне. Он кладет конверт и осматривается. Смотреть особо не на что: диван, телевизор – вот, пожалуй, и все.

– Только переехали? – спрашивает Вильям.

– Почти полгода назад.

– И живете один?

– Вы же понимаете, что от незнакомца такой вопрос звучит несколько зловеще?

Вильям усмехается.

– Да, пожалуй. Я вполне похож на одного из психов, с ко-

торами вы наверняка сталкиваетесь регулярно.

– Именно. – Я достаю пиво. – Вот, держите.

– Спасибо. – Вильям делает такой малюсенький глоток, что становится очевидно: либо он вообще не пьет, либо завязавший алкоголик. Я забираю бутылку обратно.

– Есть кока-кола. Будете?

– Да, спасибо. Еще раз скажу: я очень ценю, что вы согласились помочь.

Угу, посмотрим, как он оценит, когда придется сказать ему, что помочь я в реальности не могу и ему пора уходить. Я возвращаюсь с банкой колы и снова сажусь.

– Прежде чем мы вообще начнем говорить, я хочу подчеркнуть одну важную вещь: причина, по которой вы вообще слышали о некоем докторе Крее, заключается в том, что я обратил внимание на переходы растительности в некоторых местах в Монтане, где были зарыты тела.

– Да, я помню. Экотоны, так, кажется, они называются. Области, где меняется растительность и одни виды пытаются вытеснить другие. А еще Джо Вик закапывал тела в ближайшей к месту убийства низине, чтобы эрозия почвы не обнажила останки.

А он, похоже, подготовился к нашей встрече. Лично меня еще передергивало от имени Джо Вика в обычной речи, хотя я понимал, что для других он мало отличался от Чарльза Мэнсона или Джо Банди.¹

¹ Известные серийные убийцы. – Здесь и далее примечания переводчика.

– В общем, теперь у ФБР есть эта технология. Полиция на местах уже применяет ее в дополнение к своим традиционным методам.

– Да, наверняка многие семьи смогут теперь найти своих пропавших.

И свое горе. Многие все еще ждут и надеются, что их близкие когда-нибудь вернутся. И это самое тяжелое в подобных делах. Эти люди рассчитывают, что я дам им надежду. Но мне нечего им предложить.

– Крис был славным парнем. Правда. Я знаю, все так говорят. Но он и правда хорошо учился, не лез в неприятности. Знаете, правильный такой. Бывало, пойдем с ним в магазин с игрушками, а он сунет все карманные деньги в ящик для сбора пожертвований. Такой парень.

Вильям, что ты со мной делаешь?! Со сбежавшим наркоманом было бы куда проще. Но нет, на фото вовсе не малолетний преступник. Девятилетний пацан, пухлые щеки, добродушная улыбка. Излучает простоту и искренность.

– Как это произошло? – наконец спрашиваю я.

– Не вернулся из школы.

– Насколько актуальна фотография?

– Сделана примерно за месяц до исчезновения.

– А что полиция?

Вильям пожимает плечами.

– Сделали все, что должны были. Опросили соседей, расклеили объявления. Даже в новостях фотографию показали.

Я звонил детективам, ведущим дело, но постепенно они перестали отвечать, объявления заклеили новыми, а в новостях появился другой пропавший. Какая-то белая девочка из Колорадо, кажется.

Вильям останавливается, когда соображает, что сказал. Я киваю. Да, мы относимся по-разному к преступлениям, где жертвы белые и где – чернокожие. На постоянные сводки о погибших в черных трущобах белые не обращают внимания. А вот стоит кому-то устроить перестрелку в церкви и убить десяток прихожан, которые случайно оказываются еще и чернокожими, – тут все возмущены, как положено. Это потому, что жертвы внезапно оказались чем-то нам близки.

– Какие-нибудь зацепки?

Вильям качает головой.

– Ничего. По крайней мере, ничего, что полиция могла бы мне рассказать.

– А где все произошло?

Повисает пауза.

– Уиллоубрук, пригород Лос-Анджелеса.

– Южный?

Вильям кивает.

М-да, знакомое название. Заодно с Южным Централом, прекрасно известным по боевикам. Рядом с Комптоном. Банды, наркотики, если судить по фильмам. Кроме этого, правда, я не знаю о районе вообще ничего. Но теперь понятно, откуда пауза. Статистика убийств в этом округе пугаю-

щая.

– Крис был хорошим парнем, – с нажимом произносит Вильям, считая, что я для себя все решил.

– Верю. Значит, его похитили? Просто так?

– Да. Никаких требований выкупа. Ни предупреждений. Просто исчез, и все.

Упоминание о выкупе – уже повод задуматься. Я слышал, что в неблагополучных районах похищения на почве наркоторговли происходят сотнями ежедневно. Людей держат в заложниках, чтобы добиться чего-то от семьи или родственников. И семьи не спешат обращаться в полицию с рассказами, что их сына похитили, потому что его отец задолжал за кокаин.

– Знаете, я боюсь, тут даже мне не за что зацепиться. Я ведь этих мест толком не представляю. Жаль, что не могу помочь. Вы с мамой Криса живете вместе?

– Ее уже нет. И родственники Криса не похищали.

– И вы так считаете потому, что?..

– Потому что Криса нет в живых.

– А в этом вы почему так уверены? – разговор принимает очень странный оборот.

– Потому что Крис пропал девять лет назад. Я знаю, что он уже не вернется.

– Девять лет назад?! – След не то что остыл, а уже и заасфальтирован три раза.

– Я в курсе статистики. Доктор Крей, я – бухгалтер. У ме-

ня все хорошо с математикой. Крис не сбежал и не потерялся. Его похитили и убили. И дай бог, если просто убили...

Он сидит, уставившись на бутылку пива, а я пытаюсь сообразить, подвинуть ли ее к нему или вылить в раковину.

– Так, и теперь, практически через десять лет, чего вы хотите от меня?

– Найти убийцу. Я хочу поймать того, кто забрал моего мальчика.

– Он может быть уже где-то далеко-далеко.

– А может, это один из соседей. Может, я сталкиваюсь с ним каждый день, может, он прямо под носом. Как Лонни Франклин.

Лонни Франклин, он же Спящая Смерть, был серийным убийцей как раз из Южного Централ Лос-Анджелеса, убивал тридцать лет подряд. В основном проституток, сидящих на наркотиках, то есть самых незаметных для правопорядка. Дела списывались на разборки наркодилеров, а убийцами назначались уже мертвые бандиты. Десятки женщин, которым и так изрядно досталось от жизни, исчезали бесследно при полном бездействии полиции прямо под носом стражей порядка и соседей Франклина.

– Подозреваемые?

– Никого. Я исходил весь район, постучал в каждую дверь. Увидел много всякого, доктор Крей, но ничего, связанного с пропажей моего мальчика. Мне не в кого ткнуть пальцем со словами: «Это он». Я поговорил с учителями, вообще со

всеми взрослыми, с кем Крис мог пересекаться. Ничего.

Я делаю глоток пива и пытаюсь сформулировать ответ.

– Не думаю, что смогу тут помочь, – говорю я и останавливаюсь, чтобы не сказать: «Слишком мало данных». Вместо этого спрашиваю: – А другие дети в этом районе пропадали?

– Да, было несколько случаев. Но полиция утверждает, что сходства слишком мало, чтобы выделить общую схему. Хотя жертвам Франклина тоже говорили, что нет оснований думать, что в городе орудует серийный убийца. – Он поднимает руки, как будто я собираюсь возразить. – Нет-нет, я не утверждаю, что похищение Криса – дело рук серийного убийцы. Но подумайте, кто-то похитил и убил ребенка, разве он остановится на одном? Думаете, это единичный случай?

– Полагаю, подозреваемых в насилии над детьми полиция всех проверила? – вместо ответа переспрашиваю я.

– Да, и я проверял. – Он откидывается на спинку стула и качает головой. – Куча извращенцев. Но среди них нет убийц и похитителей.

– Господин Бостром, у меня нет ни времени, ни возможностей заняться этим делом.

– А в Монтане были? Какие возможности вам нужны были там?

– У меня имелась ДНК. Я – биолог. А еще образцы крови и фрагменты волос. Мне было с чем работать.

– Но вы же еще и теоретик. И аналитик. Вы знаете, как обрабатывать данные, чтобы найти то, чего другие не видят.

– Но я не экстрасенс. Все, что я умею – задавать правильные вопросы.

Бостром встает.

– Большое спасибо, что выслушали меня. Все, о чем я вас прошу: подумайте, какие вопросы можно задать, чтобы что-то узнать.

Я стою с ним на крыльце, пока он ждет такси в аэропорт. Он рассказывает о любимых фильмах Криса. О том, как мальчик приготовил ему в микроволновке пирог на день рождения. О том, как Крис учился и хотел стать астронавтом. Парень хотел стать ученым, изобретать, помогать людям. И глядя, как огни такси растворяются в ночи, я ощущаю холодок от мысли, что человек, погасивший эту маленькую яркую звездочку, все еще на свободе.

Чисто теоретически Крис – не единственный и точно не последний пропавший ребенок. Чисто теоретически у меня больше шансов найти живого Аль Капоне в Чикаго, чем убийцу Криса.

Глава 6

Теория чисел

Керри разглядывает меня, облокотившись на офисную перегородку, разделяющую наши кубиклы. Она знает, что мне нужно некоторое время, чтобы очнуться от мыслей и вернуться в реальность.

– Над чем работаешь?

– Да так, разные вычисления. А что?

– Просто чтобы ты знал: Парк на тебя зол как черт. Орал всю дорогу, что ты неприемлемо ведешь себя с клиентами.

– Клиентами? У нас тут не рекламное агентство. Мы – квазизаконопослушная группа консультантов, получившая неоправданно много власти от людей, которым так и не удается пострелять. Я более чем уверен, что Кавено не пойдет писать о нас дурной отзыв на «Йелп», если Парк этого боится.²

Она плюхается на пустое офисное кресло и подъезжает на нем поближе.

– Он просто боится, что ты согласишься на предложение Кавено. Парк в курсе, что Управление знает, что это ты делаешь основную работу.

– Твои графики тоже очень помогают.

² Американский веб-сайт, агрегатор отзывов о предприятиях сферы услуг – ресторанах, парикмахерских и т. п.

Она вздыхает.

– Эту хрень я придумала, чтобы сбежать из Силиконовой долины от пятидневки с десяти до восьми. А вот твоя система – Предокс, – от нее все в восторге. Вот это мог бы быть билет на миллион.

– Билет куда?

Керри смотрит на меня искоса.

– Да, ты действительно странный.

– Просто потому, что не хочу быть менеджером среднего звена, как Парк? Мне хватает того, что я, по сути, работаю, как на фабрике.

– Ну, как тебе сказать... Может, будь ты владельцем этой самой фабрики, жизнь воспринималась бы иначе? Биркетт тебя поддержит, я тоже.

– О чем ты? Сказать Кавено, чтобы он выделил нам денег на борьбу с террором, а потом просто переехать в другой офис и там страдать, правильно ли мы все делаем, подвергая жизни людей опасности?

– Ага, в офис побольше и с парковкой получше.

– Да уж, не обо мне Парку нужно беспокоиться. Ты-то даже не скрываешь своего отношения.

– А мне и не нужно, смотрят все равно только на тебя. – Она подмигивает и скрывается за перегородкой.

Да, своя компания – звучит заманчиво. Но я не готов полностью забыть все моральные ориентиры, даже если вижу их так смутно.

Через пару минут приходит сообщение от Парка зайти к нему в офис.

– Вызывали? – спрашиваю я от дверей.

– Заходи и садись.

Офис начальника в военной компании определить очень легко – самый большой и без окон.

По стенам с десятков мониторов с кучей важно выглядящих, но бессмысленных данных, предназначенных для произведения впечатления на чиновников из вышестоящих инстанций, если тем вдруг вздумается прийти проверить, на что мы тратим деньги. Чиновники не знают, что на столе у Парка есть специальный переключатель, превращающий все эти мониторы в гигантский игровой экран, на котором тот увлеченно рубится в *Overwatch*³, когда думает, что его никто не видит.

Парк откидывается в кресле и потирает лоб.

– Ну, и что мне с тобой делать?

– Не знаю, выделить собственный кабинет, чтобы меня тоже от игр не отвлекали?

Это вызывает неодобрительный взгляд. Похоже, я перегнул палку. Он тыкает пальцем в моем направлении.

– Вот! Вот в этом проблема. Вот именно поэтому тебя сейчас ни в один университет не берут.

– Ну, вообще, я так себя вел и раньше. А не берут меня теперь скорее потому, что завучам, повернутым на безопас-

³ Сетевая компьютерная игра-шутер.

ности, немного неловко нанимать профессора, который, по слухам, сначала стащил труп, а потом умышленно застрелил человека.

Я упоминал, что история с Джо Виком была совсем непростой? На самом деле застрелила его Джиллиан, но я взял вину на себя. Возможно, я оставил Америку без образа женщины – народного мстителя, но зато избавил Джиллиан от кучи проблем.

Парку нелегко. Он знает, что в Управлении меня ценят выше его. Без высококлассных специалистов его проект – всего лишь видеоигра. Меня он нанял неохотно и по настоянию Биркетт, а теперь должен терпеть, если хочет, чтобы все это работало. Ну, и теперь я могу лично наблюдать, как он вымещает свое недовольство на мне. Вариантов у него немного. Будь Парк поумнее, он бы просто предложил мне перестать ломать комедию и самому подумать, как превратить наш балаган в подобие рабочей системы. Но нет, он так не сделает, потому что считает, что умнее меня.

Он не понимает, что настоящий работающий ум – штука простая: либо есть, либо нет. Если он есть, то неважно, какой у тебя показатель IQ – 130 или 170, важно, что ты знаешь, как его применять. У Ричарда Фейнмана, моего героя и величайшего физика, тест показал 128 – в клуб гениев с таким не берут. А вот человек с самым высоким зафиксированным IQ работает вышибалой в ночном клубе, а на досуге читает фэнтези. И что, он умнее того, кто правил статьи

самого Хокинга?

– Если тебе что-то не нравится, тебя здесь никто не держит, – говорит Парк.

– Да? А если я сейчас соглашусь и уйду, вы сами долго протянете? Я до машины успею дойти? Или вообще до двери?

Не в моем характере оспаривать первенство, но сегодня меня достали.

– Ты не очень понимаешь, чего я могу, а чего нет, – ядовито отвечает Парк.

Я бросаю взгляд на мониторы.

– Например, пройти уровень в игре за 12 минут?

– Ты нравишься Кавено, но совершенно не в курсе, как они работают. Стоит тебе один раз ошибиться – и все. Если же получится, что они тоже виноваты – будет еще хуже. А если ты сделаешь меня виноватым, то даже вообразить не можешь, какой ад я тебе устрою. Потому что я о тебе кое-что знаю. И нанимал тебя не только потому, что Биркетт мечтает забраться к тебе в постель. Я навел справки. Во всей этой истории с серийным убийцей слишком много чего не сходится. И особенно это касается тебя и близких тебе людей.

Это он о Джиллиан. Знает, что стреляла она? Что еще он может знать? Я и представить не могу, что там у него в базе данных про меня. Впрочем, нет, на самом деле могу – он лично дал мне доступ куда более высокого уровня, чем сам понял, но я так и не нашел времени изучить базу вни-

мательно. Но я точно уверен, что одно дело – просто угрожать мне, и совершенно другое – приплетать сюда Джиллиан. Этой женщине я обязан больше, чем просто жизнью. С того самого момента, когда она подняла меня с асфальта перед своим кафе, где я лежал избитый до полусмерти обдолбанной проституткой и ее дружкой. С того самого момента она стала светом моей жизни, даже если я не до конца уверен, что мне делать и с этим светом, и с моей жизнью.

Я встаю, к вящему удивлению Парка, и медленно достаю из кармана рабочий телефон – суперзащищенный, стóбит, как грузовик, – и с размаха швыряю в мониторы, где он со снопом искр разносит на куски одну из плазменных панелей. После этого облакачиваюсь костяшками сжатых кулаков на его стол и, стоя к Парку лицом к лицу, медленно произношу:

– Знаешь, что было, когда последний раз кто-то угрожал моим близким? Пришлось сделать ему смертельную инъекцию. Собственноручно.

Сказав это, я отчетливо понимаю две вещи: во-первых, я совсем не тот рафинированный университетский профессор, что невольно начал охоту за убийцей в лесах Монатны, а во-вторых, Парк описался от страха.

– Я тебя в полицию сдам! – орет он, пока я иду до двери.

– Ага, а я скажу Кавено внести залог, а тебя уволить к завтрашнему дню.

На самом деле это пустая угроза, но, похоже, больше этого Парк боится только того, что я лично приду ночью по его

душу.

Звонок от Биркетт на личный телефон застает меня на полпути домой.

– Чего такого ты, черт подери, наговорил Парку? Он орет в телефон на Кавено и требует твоего ареста.

– Он мне угрожал.

– Типа чем? Увольнением?

– Нет, типа компроматом на близких.

Длинная пауза.

– Черт, это не круто. Ладно, разберусь. Может, тебе не появляться несколько дней в офисе?

– Думаешь? – отвечаю я саркастически. – Я вообще-то и не собирался возвращаться. К тому же Парк, пожалуй, отправит меня за решетку.

Биркетт смеется.

– Не сможет. Единственная причина, почему ему вообще позволили запустить свой бестолковый проект, – чтобы я могла заполучить тебя... для Управления, конечно же. И Кавено далеко не единственный, кто заинтересован в твоих умениях.

– Да нет у меня никаких особых умений.

– Ага, только им не говори. И не ври. Короче, просто съезди куда-нибудь, пока я со всем этим разберусь.

– Ладно, как раз планировал.

– Есть конкретные варианты?

– Ага, поеду развеюсь, отвлекусь. В Комптон.

– Оборжаться! – поняв, что я серьезно, она добавляет: – Черт, ну ты и странный сукин сын.

И злой в придачу. Я только что осознал, что те самые пустые места в душе – не такие уж и пустые. Они все под завязку полны яростью. И вылить ее следует на кого-нибудь, кроме мелкого мудака Парка. Нужно поймать убийцу.

Завершив анализы материалов по делу Гризли-Убийцы, я выяснил, что не только у Джо Вика был изменен ген риска. Анализ моей собственной ДНК подтвердил то, о чем я и так догадывался: я не менее странный, чем он. Странный иначе, но все равно не похож на большинство людей на этой планете. Так же, как и Джо Вику, мне нужно охотиться.

Глава 7

Соседский дозор

Вильям Бостром встречается меня в дверях с широкой улыбкой на лице. Его дом расположен в рабочем квартале Уиллоубрука. Машины, припаркованные на дорожках, в основном, видали виды, но все дворики тщательно прибраны, и вообще, район ничем не напоминает картины из кино про Южный Централ. Да, в полумиле отсюда начинается территория наркокартелей, но здесь пока никаких сожженных машин и стрельбы не наблюдается.

– Прежде чем мы вообще начнем, давайте договоримся – никаких ложных надежд, – предупреждаю я.

– Принято!

Он ведет меня к столу, на котором аккуратными стопками сложены папки, ровно так, как это сделал бы классический бухгалтер.

– Здесь каждый отчет о без вести пропавших, до которого я смог добраться. Тут досье на каждого из шести подозреваемых в насилии над детьми.

Он указывает на карту, испещренную красными крестиками:

– Это маршрут Криса, я пометил все места, где он теоретически мог пропасть, а также местонахождение этих шести

извращенцев.

– Да, крестов изрядно, – говорю я, садясь.

– Ну, в основном, это места, где тусуются проститутки, но надо было с чего-то начинать.

Я смотрю на кучу бумаг.

– Обычно я предпочитаю работать с цифровыми данными. Проще сортировать. Вроде поблизости было круглосуточное фотоателье, где все это можно отсканировать.

– Уже отсканированы. Я составил полную базу данных, – он указывает на ноутбук, лежащий на столе. – Начал через пару недель, как Кристофер пропал. Могу переслать файлы.

– Давайте.

Я кладу сумку и достаю свой компьютер.

– Для начала проверим все данные о пропавших на предмет аномалий.

– Каких, например?

– Не пропадает ли тут больше детей, чем в городах с похожей демографической обстановкой, в Атланте, например.

– Где живут чернокожие?

– Более или менее.

– Жертв среди белых освещают шире и относятся к ним с большим вниманием, по крайней мере так мне кажется.

– И чернокожие особо не общаются с полицией, даже когда что-то случилось.

Он замолкает.

– И как мы найдем эти аномалии?

– У меня есть специальная программа.

– МААТ? Программа, с помощью которой вы нашли Джо Вика?

– Скорее МААТ 2.0. Предназначена для выявления шаблонов поведения, присущих хищникам. Я назвал ее Предокс.⁴

Не считая Джиллиан, Вильям – первый человек, которому я признался, что Предокс действительно существует. После первого взрыва энтузиазма со стороны Кавено я понял, что он готов забрать любой, даже абсолютно сырой, инструмент и внедрить его – к добру ли, к худу ли – в армии, и решил не афишировать свои успехи. Если быть абсолютно честным, то, когда Вильям впервые рассказал мне суть своего дела, на задворках моего сознания сразу забрезжила мысль, что как раз пора проверить Предокс в деле.

– Я читал ваши статьи про МААТ, но можете объяснить на пальцах, как она работает?

– Знаете, почему программа смогла наконец обыграть Гарри Каспарова в шахматы?

– Вычислительная мощность?

– Не совсем. Вариантов расстановки фигур на шахматной доске через пять ходов от заданной позиции – больше, чем частиц вещества во Вселенной. Так что несмотря на то, что часть партий компьютер выигрывает, живых гроссмейстеров пока рано списывать со счетов. *Deep Blue* – машина, обыг-

⁴ Predox, от *англ.* predator – «хищник».

равшая Каспарова, была запрограммирована менять и развивать стратегию. Она не вычисляла все возможные комбинации, а искала выигрышные. Но только против Каспарова. Будь на той стороне доски другой гроссмейстер – на победу над которым программа не была заточена, – исход мог быть иным.

– Так что у людей еще есть шанс, – подытоживает Вильям.

– Ненадолго. Компьютеры постоянно совершенствуются. В шахматах, в го и в сотне других игр и дел. А когда они нас превосходят, то не останавливаются, а продолжают развиваться. Единственная надежда для людей – разобраться, как с машиной взаимодействовать, и заложить в нее достаточно человечности, чтобы не превратить во врага.

– Я научил Предокс мыслить как ученый. После обработки части данных он строит гипотезы, основанные на корреляциях, например: все рыжие – ирландцы. А затем проверяет эти гипотезы на всем массиве. Если гипотеза подтверждается, она становится теорией. Пока программе не попадает рыжеволосая девочка из Ливана, тогда теория корректируется.

– Как Байесовская статистика?⁵ – спрашивает Вильям,

⁵ Байесовская статистика – теория в области статистики, основанная на байесовской интерпретации вероятности, когда вероятность отражает степень доверия событию, которая может измениться, когда новая информация будет собрана, в отличие от фиксированного значения, основанного на частотном подходе. Степень доверия может основываться на априорных знаниях о событии, таких как результаты предыдущих экспериментов или личное доверие событию. Это

для которого цифры – его хлеб.

– Именно. Но особенность Предокса в том, что он разбивается. Он может взять изображение женщины и сделать определенные предположения – даже весьма неочевидные. Например, кто сделал фото – друг или случайный прохожий, которого просто попросили. Друг будет стоять ближе. Кроме того, угол съемки позволит прикинуть рост фотографировавшего. И это не считая всего того, что можно сказать по выражению лица.

– Не думали о коммерческом использовании этой программы?

– Ну, на рынке есть аналоги.

Я не стал говорить об уже поступавших предложениях, как и о том, что продажа Предокса – мой самый главный кошмар.

– Предокс хорош только в своей узкой области.

– В поиске плохих парней?

– Нет, в качестве моего помощника.

– То есть Предокс – это часть вас.

Этого я не ожидал. Такая мысль никогда не приходила мне в голову. Да, конечно, я хотел создать универсальный научный инструмент, но получилась-то программа, которая делала ровно то, что сделал бы я сам.

отличается от ряда других интерпретаций вероятности, таких как частотная интерпретация, которая рассматривает вероятность как предел относительной частоты выпадения события после большого числа испытаний.

– Что-то не так, доктор Крей?

– Для вас – Тео, просто Тео. Нет, все хорошо.

А замолчал я потому, что внезапно понял: если Предокс действует, как я, то и ошибается точно так же. Могут существовать другие пути решения задачи, о которых я не подзреваю. Надо будет иметь это в виду.

Следующие несколько часов мы провели за внесением данных из баз полиции и ФБР и настраивая Предокс на поиск корреляций и аномалий. На первый взгляд пока ничего не выделялось из статистического шума. Этого я и боялся. В Монтане банально было намного меньше людей, и серийный убийца торчал, как больной палец, если знать, куда смотреть. Население Лос-Анджелеса в двадцать раз больше, а значит, тут можно спрятать двадцать Джо Виков или сотню более скромных убийц. Если похититель Кристофера не крадет детей десятками, его будет невозможно найти с помощью Предокса.

Еще несколько часов ушли на анализ сообщений о пропавших без вести. Я даже сам просмотрел фотографии, надеясь увидеть что-нибудь, что упустила программа. Результат – худший для любого ученого – ничего. Ни малейшего намека на выводы. Только пустые цифры.

Я понимаю, что уже некоторое время сижу, уставившись в никуда. Вильям кладет руку мне на плечо.

– Все нормально. Отдохните, а утром съездим, я покажу маршрут Криса до школы. Если ничего в голову не придет,

отвезу вас в аэропорт.

Этот человек давно принял свою утрату и сейчас просто хочет убедиться, что ничего нельзя было сделать. Но варианты еще остались. Это мне так просто с рук не сойдет, но сейчас я уже в режиме «а, пошло оно все». Наверняка Парк не успел отозвать мой допуск. А значит, можно проверить базы данных полиции Лос-Анджелеса и ФБР на предмет любых деталей, связанных с делом Кристофера или подобных похищений. Это уже сильно на грани закона, но чем черт не шутит.

Я вхожу в систему получения данных о делах и составляю подробный запрос. Завтра узнаем: либо полиция отправит данные, либо меня – за решетку.

Глава 8

Щеколда

– Крис обычно вставал сам и готовил завтрак, – рассказывает Вильям. Мы стоим на подъездной дорожке. На улице прохладное лос-анджелесское утро, мимо нас проносится ребятня на велосипедах, спешащая в школу.

– Он ходил пешком или ехал на велосипеде? – спрашиваю я.

– Чаще всего ездил, – Вильям отпирает гараж и поднимает ворота, чтобы я мог заглянуть внутрь. По стенам стоят закрытые металлические шкафы.

– Бухгалтерская отчетность, – говорит он в ответ на мой вопросительный взгляд.

– А разве они не должны быть в специальном хранилище?

– Большая часть – да. Но в случае с некоторыми клиентами быстрый доступ важнее.

Он подходит к велосипеду, прислоненному к коробкам с карточками. Это подростковый велосипед с кучей наклеек Трансформеров.

– Велосипед нашли на месте похищения Кристофера. – Вильям вздыхает, – его схватили прямо на улице.

Я фотографирую велосипед. Самый обычный, но я знаю, что необычное часто кроется в обыденном.

– И никто ничего не видел? – спрашиваю я, пока Вильям закрывает гараж.

– Полиция не в курсе. И никто из тех, с кем я говорил. Как успехи с запросом?

– Я его отправил. Ответ если и будет, то позже.

Мы идем к школе, где учился Крис и которая называется вполне банально: начальная школа № 134. От домов отъезжают машины, везущие людей на работу. Соседи Вильяма в основном чернокожие или мексиканцы, хотя встречаются и пожилые белые.

– У Криса были друзья, с которыми он ходил в школу или обратно?

– Близких не было. В его возрасте друзья меняются каждый день. К тому же Крис был слегка замкнутым парнем. Сейчас-то чернокожему ботанику не так уж и тяжело приходится в школе. Раньше было сложнее.

Я был замкнутым парнем еще до смерти отца. А его смерть стала лишь очередным поводом уйти глубже в себя.

По дороге я осматриваю дома, которые мы проходим, отмечая про себя те, где на окнах особенно толстые решетки, а по углам установлены видеокамеры. Мы доходим до обширного пустыря, на котором возвышаются опоры высоковольтной линии, начинающейся на местной электростанции и теряющейся в далеких районах Центрального Лос-Анджелеса. Вильям указывает на заросли травы рядом с тротуаром: «Здесь нашли велосипед».

Поток машин довольно плотный, но домов рядом совсем мало. Вряд ли люди из проезжающих машин обратили бы внимание на водителя одной из них, остановившегося поболтать с пацаном на велике.

– Крис заговорил бы с незнакомцем? – спрашиваю я.

– Он знал, чем это может закончиться. Крис был вежливым парнем и поговорить бы остановился с кем угодно, но сесть в машину – никогда!

А это означает, что сняли с велосипеда и усадили в машину его, скорее всего, насильно. Но среди белого дня даже здесь это привлекло бы внимание. Одно дело – не заметить парня, разговаривающего с водителем, и совсем другое – не сообщить в полицию о ребенке, которого заталкивают в машину. Либо похитителю очень повезло, либо он был на чем-то типа фургона, чтобы машина закрыла его от глаз проезжающих мимо. Но фургон или любые другие признаки заранее продуманного похищения означают планирование и только подтверждают теорию Вильяма о том, что похищение его сына – не единичный случай. Но пока данных так мало, рано говорить об этом.

Наконец мы доходим до школы. Дети голосят на детской площадке и бегают на спортивной, играют в мяч, смеются, в общем, издают звуки искренней радости и увлечения, которые мы забываем, взрослея. Вильям стоит спиной к забору. Видно, как тяжело ему здесь находиться. Я даже не хочу думать, что он сейчас чувствует. Я делаю несколько фотогра-

фий через забор. Подхожу к решетчатой клетке.

– Раньше здесь оставляли велосипеды. Но теперь нельзя ездить в школу на велосипеде.

– Из-за Криса?

– Нет, опасно на дороге. Плюс велосипеды все время воровали.

Сзади раздается женский голос: «Я могу вам чем-то помочь?»

Я оборачиваюсь и вижу крепко сбитую темнокожую женщину в форме лос-анджелесского полицейского, шагающую к забору, отделяющему нас от школы. Вильям продолжает стоять спиной к забору. Я решаю, что лучшее оружие – честность, ну, или вроде того.

– Меня зовут Тео Крей. – Я достаю из кармана удостоверение, такое выдают некоторым сотрудникам частных фирм для допуска на государственные объекты. – Я занимаюсь проверкой некоторых фактов в деле похищения Криса Бострома.

Она бросает взгляд на документ: «Чтобы находиться на территории школы, вам сначала нужно согласовать это с директором Эвансом».

Я мог бы обратить ее внимание, что сейчас стою на территории города, а не школы. Но какой смысл победить в споре, если это испортит все дело.

– Хорошо, хорошо, мы уже уходим.

В этот момент она узнает Вильяма.

– А если он не уйдет сию же секунду, я его арестую.

Эта тирада застаёт меня врасплох, и я уже собираюсь спросить, на каком основании, но Вильям хватает меня за рукав: «Пойдем отсюда!»

Офицер провожает нас взглядом, пока мы не скрываемся за углом. Я останавливаюсь на перекрестке.

– Это еще что такое?

Вильям прячет глаза: «После того, как Криса похитили, я... В общем, пару раз я пришел в школу и наорал на учителей. Мне сделали предупреждение».

Ага, теперь понятно.

– Ладно.

– Давайте просто вернемся домой! – говорит Вильям и идет через улицу, видно, что он выбит из колеи.

– Погодите. А вот в ту сторону разве не быстрее? – указываю я направление.

– Быстрее, но Крис поехал сюда. Я думал, стоит еще раз пройти посмотреть.

– Откуда вы знаете, что Крис поехал именно этим путем?

– Здесь нашли велосипед. Погодите-ка... – Я вижу, как в его глазах появляется понимание. Он поворачивается в сторону более короткой дороги. – Может, он на самом деле?..

Да, для Вильяма это означает, что все эти годы он мог искать следы и опрашивать людей совсем не там, где произошло похищение.

– Не знаю. Но давайте предположим, что место обнаруже-

ния велосипеда не совпадает с местом похищения. Давайте пройдем кратчайшим путем и посмотрим, что там по дороге.

Он кивает, и мы двигаемся в сторону дома. По мере того, как мы проходим возможный маршрут Криса, Вильям с вновь ожившей подозрительностью осматривает каждый дом, впивается взглядом, полным плохо скрываемой угрозы, в каждого прохожего. Для него каждый встречный – потенциальный свидетель, а кто-то один – возможный похититель.

Пока никто не видит, я фотографирую дома и заглядываю в окна. Кроме того, я прокручиваю в голове мысленный эксперимент, который впервые применил при охоте на Джо Вика, а потом не раз использовал в Open-SkyAI: он называется «Думай, как хищник». Вместо того чтобы пытаться представить себя на месте Криса, чем наверняка сейчас занят Вильям, я пытаюсь прикинуть, где наиболее удобное место, чтобы украсть ребенка и при этом остаться незамеченным. Если велосипед выбросили вдали от реального места похищения, значит, преступник хотел отвлечь внимание от чего-то. И это что-то может быть все еще на месте.

Глава 9

Оценка угроз

За время пути до дома Вильяма я придумываю три возможных сценария похищения, каждый со своими переменными и неизвестными.

Первый: похититель Криса – случайный человек. Преступник, который увидел беззащитного ребенка в безлюдном районе и решил воспользоваться подвернувшейся возможностью. Он в буквальном смысле схватил его прямо на улице, а велосипед просто бросил на месте похищения.

Во втором сценарии – похититель не местный, но долгое время следил за Крисом. Он выжидал удобного случая похитить ребенка, а велосипед выбросил вдали от места, где это сделал, чтобы возможных свидетелей не искали или искали совсем не там, где нужно.

В третьем варианте похититель живет где-то по дороге от дома Вильяма до школы – по крайней мере, на одном из наших сегодняшних маршрутов. А велосипед унес подальше, чтобы отвести подозрение от себя и своего жилища.

Кроме этого возможны еще с полтора десятка смешанных вариантов, если брать за основу известные нам факты, и бесконечно больше, если мы где-то ошибаемся в первоначальных установках. Но, по крайней мере, у нас есть три рабо-

чие гипотезы, хотя у каждой свои недостатки. Первую практически невозможно подтвердить или опровергнуть без дополнительных данных. Для анализа второй нужно, чтобы потенциальные свидетели точно вспомнили, что произошло в конкретный день почти десять лет назад. Учитывая, что полиция опросила кого могла, вероятность новых откровений тут чрезвычайно низка. Возможно, в полицейских отчетах всплывут какие-то полезные мелочи, типа «большой черный фургон видели на пустыре», но я бы особо на это не рассчитывал.

Последний сценарий – самый пугающий – с убийцей – местным жителем. Он подразумевает, что, пока полицейские опрашивали жителей, Крис мог быть еще жив и находиться буквально в нескольких метрах.

– О чем задумались? – спрашивает Вильям, когда мы подходим к дому.

– А не решил ли Крис срезать путь через тот переулок за церковью? Я бы точно так сделал в детстве. Там вообще довольно безлюдно. А еще угол 117-й, на него не выходит ни одного фасада. Я бы рассматривал эти места как наиболее перспективные с точки зрения похитителя.

– Вряд ли мы теперь там что-нибудь найдем.

– Я все сфотографировал, но больше у нас ничего нет, вы правы. Если пройдет фокус с полицейским отчетом, посмотрим, можно ли их как-то связать.

Вильям кивает.

– Кроме того, попробуем пробить по базам всех, кто живет на участке отсюда до школы.

– Вы имеете в виду базы коммунальных и жилищных служб?

– Попробуем и тут влезть в полицейские данные. В реальности нам просто нужно составить список адресов.

Мой допуск государственного подрядчика дает доступ к устрашающему количеству личных данных совершенно незнакомых мне людей, но на самом деле то, что я сейчас ищу, можно относительно недорого купить у частных компаний, продающих аналитику банкам и потенциальным работодателям. В стандартных государственных базах полно ошибок. Но все меняется, как только речь заходит о деньгах. Вот почему от банка или налоговой службы спрятаться значительно сложнее, чем от полиции. Пока Вильям составляет список адресов, я проверяю почту. Там меня ждет ответ на мой запрос. Хорошая новость заключается в том, что запрос они удовлетворят, плохая – на сбор данных уйдет месяц-полтора.

Склонившись над картой, разложенной на кухонном столе, Вильям произносит:

– Меня убивает одна мысль о том, что Крис мог быть где-то здесь.

– Ага. Так, у нас проблема. Данные они пришлют, но как минимум через месяц.

Про себя-то я уже решил, что лишний месяц ничего особо

не поменяет в деле, которому уже десять лет. Вильям откидывается на стуле и складывает руки на груди.

– Месяц?

Я указываю на карту.

– Ну, у нас есть адреса. Проверим, кто жил в этих домах десять лет назад. Может, что-то всплывет.

Он кивает, привычно принимая очередное разочарование. Я засовываю руки в карманы, и в одном из них натыкаюсь на пластиковое удостоверение. Вильям после паузы, ушедшей на осмысление новости, возвращается к карте и составлению списка адресов.

– А, к черту! – отвечаю я. Это может стоить мне работы, если она у меня еще осталась. А может вообще довести до тюрьмы. Я достаю карточку. – Попробуем просто поехать в полицейский участок и поспрашивать.

– А это законно?

– Пока кто-нибудь меня оттуда не вышвырнет.

Придумаю какую-нибудь отговорку, скажу, что провожу исследование по заказу Разведуправления. На самом деле, если никто не будет возмущаться, то это вполне может сойти мне с рук. С другой стороны, если я кого-нибудь разозлю, будут проблемы. Так что... пусть лучше Парк об этом не знает.

– Сканер есть? – спрашиваю я Вильяма.

– Для документов? Да, был компактный в кабинете, сейчас принесу.

Он направляется через холл в дальний конец дома, на хо-

ду доставая связку ключей. С тех пор как я начал работать на разведку, мне доводилось неоднократно видеть защищенные помещения в домах. Возможно, у бухгалтеров та же история. Вряд ли клиенты будут довольны, если узнают, что кто угодно может заглянуть в их финансовые бумаги.

– Вот, – говорит Вильям, протягивая мне сканер. – Изображения сохраняются на карточку в PDF-формате. Годится?

– Отлично!

Можно, конечно, было бы обойтись и телефоном, но приличные сканы будут меньше выглядеть сделанными на коленке и в целом должны произвести большее впечатление на хранителя архива – это если я вообще миную проходную.

Глава 10

Старое дело

Пожалуй, это было самое унылое незаконное проникновение в истории. Показав удостоверение у стойки дежурной по архиву, я миновал проходную, получил карту лабиринта тоннелей и пещер, которые представляло из себя подземное хранилище документов полиции Лос-Анджелеса, и отправился на поиски нужной мне информации.

Дежурная не то что не придралась к документам, а вообще не удостоила меня лишним взглядом. Думаю, причины такому отношению две. Во-первых, мое удостоверение всего лишь дало мне доступ к данным, которые и так подпадают под Закон о свободе информации. Фай⁶ лы об открытых делах недоступны мне так же, как и любому другому человеку без полномочий, даже чужие штрафы за парковку я не могу посмотреть, если они еще проходят в суде. По крайней мере, так было написано в листовке, выданной мне на входе вместе с картой. Но проходя мимо помещений под табличкой «Открытые дела», я не увидел каких-то серьезных мер безопасности, ограждавших данные о текущих расследованиях

⁶ Закон о свободе информации (*англ.* Freedom of Information Act, сокр. FOIA) – федеральный закон о свободе информации, который позволяет полное или частичное обнародование информации и документов правительства США.

от чужих глаз.

Будучи заинтересован лишь в деле Кристофера Бострома, я так и прошел мимо, направляясь к хранилищу дел пропавших без вести. На входе обнаружился скучающий престарелый клерк, которого пристроили в архив вместо того, чтобы отправить на пенсию. Он пробурчал что-то насчет «третий ряд направо», и наконец мне удалось добраться до папки с материалами дела. Мне пришлось уточнить у клерка, не ошибся ли я, поскольку бумаг в папке было меньше, чем мне пришлось заполнять, когда я снимал квартиру.

Но внутри папки все было в порядке. Отчет об обращении был в меру краток. Опросы соседей, учителей и, казалось бы, не связанных с делом людей меня несколько удивили, но потом я вспомнил, как мыслят полицейские. Тогда стало понятнее, зачем опрашивать водителей автобусов и почтальонов, которые могли проезжать или проходить мимо потенциального места преступления, или даже электриков, которые могли чинить ту самую ЛЭП, где нашли велосипед. Детектив Тед Корман добрался даже до водителей курьерских служб, чьи машины могли проезжать мимо в тот злополучный день. У него был традиционный подход опытного, но посредственного полицейского, который продумал все варианты возможных свидетелей. К сожалению, никто из опрошенных ничего не видел.

Криминалистических данных не было вовсе. Только фотография велосипеда. Я пролистал дело, выходило, что с

него даже не снимали отпечатков пальцев. Я, конечно, не коп, но это выглядело большим ляпом. Скорее всего, они решили, что похититель даже не трогал велосипед, а Крис бросил его сам. Но в реальности никаких оснований думать именно так не было. Я отправляю Вильяму сообщение не прикасаться к велосипеду.

Надеюсь, велосипед просто кинули в патрульную машину, а потом поставили в гараж, особо не трогая. Снять обычные отпечатки пальцев через десять лет вряд ли возможно, но на велосипеде полно пятен смазки, она может сохранить отпечатки значительно дольше. Вероятность невелика, но она есть. Правда, для этого потребуется хорошая лаборатория – правительственная или ФБР. Что вскрывает еще одну странность дела: всего два телефонных разговора с федералами.

Да, в среднем ФБР не занимается пропавшими без вести, но в любом случае лос-анджелесский офис держит руку на пульсе в таких делах. Обычно они даже присылают агента для неформального контроля над расследованием. В отчете Кормана – информация о двух звонках. Входящий – ФБР интересовались пропавшим ребенком, и его обратный звонок с отчетом о том, что он нашел: ничего.

Следующая странность заключается в том, что, кроме ФБР, в деле явно участвовала еще одна спецслужба, неназванная. Если включить фантазию, можно предположить, что это налоговая, поскольку Вильям – бухгалтер. Или они хотели убедиться, что ребенок не стал жертвой домашнего

насилия?

И последнее: заявление о пропаже поступило только в 11 вечера, в то время как Вильям сказал, что сын не вернулся из школы. То есть с момента, когда Криса последний раз видел учитель, до звонка в полицию прошло 8 часов.

Стенограмма звонка поражала своей сухостью:

911: «СЛУЖБА СПАСЕНИЯ СЛУШАЕТ, КАК Я МОГУ ВАМ ПОМОЧЬ?»

В. БОСТРОМ: «МОЙ МАЛЬЧИК НЕ ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ!»

911: «СКОЛЬКО ЛЕТ ВАШЕМУ СЫНУ?»

В. БОСТРОМ: «ВОСЕМЬ. ДЕВЯТЬ. ЕМУ ДЕВЯТЬ ЛЕТ».

911: «МОЖЕТ ЛИ ТАКОЕ БЫТЬ, ЧТО ОН ПОШЕЛ К ДРУГУ ИЛИ КОМУ-НИБУДЬ ИЗ РОДСТВЕННИКОВ?»

В. БОСТРОМ: «НЕТ. ЕГО МАМЫ НЕТ В ЖИВЫХ. КОГДА Я ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ, ЕГО НЕ БЫЛО. А ОН ДОЛЖЕН БЫЛ УЖЕ ДАВНО БЫТЬ ДОМА».

911: «ХОРОШО, СЭР, Я ОТПРАВЛЯЮ К ВАМ ПАТРУЛЬНУЮ МАШИНУ. АДРЕС: 1437 ТОРНТОН, ВЕРНО?»

В. БОСТРОМ: «ДА, МЭМ».

911: «ХОРОШО. ПОЖАЛУЙСТА, ВСТРЕТЬТЕ ОФИЦЕРА ПЕРЕД ДОМОМ».

В. БОСТРОМ: «СПАСИБО».

Полицейский прибыл через восемь минут. Еще через два часа на месте был и детектив Корман. Из отчета патрульного выяснилось, что полиция обзвонила родителей одноклассников и отправила еще несколько патрулей на поиски. Один из этих патрулей ночью обнаружил велосипед.

И последняя нестыковка в действиях Вильяма, кроме времени, которое ушло у него на то, чтобы позвонить в полицию, была в неупомянутах в наших разговорах, но отраженном в отчете звонке некоему Мэтису, у которого Вильям интересовался, не знает ли тот что-нибудь о пропаже мальчика. На этого Мэтиса Корман внимания в отчете не обратил, но все остальные действия по списку он выполнил: выпустил экстренное оповещение, поставил в известность все соответствующие службы, внес информацию в нужные базы. Вот в общем-то и все, что было в папке.

В животном мире степень сплоченности сообщества легко определить по общей реакции на опасность. Стадо или стая моментально объединяются вокруг детенышей. Киты будут защищать от косатки даже чужое потомство. Другие животные, особенно не млекопитающие, ведут себя иначе. Если хищник убивает детеныша, их эволюционный компьютер говорит: «Лучше его, чем меня», и жизнь продолжается. Реакция на похищение Криса отдавала скорее вторым подходом,

чем мощным защитным рефлексом стаи. По крайней мере, со стороны лидеров.

Но когда речь заходит о людях, факторов, влияющих на реакцию, куда больше. В нашем случае и пострадавший, и многие полицейские были черными, так что на игнорирование белыми проблем черных это списать было нельзя, по крайней мере не полностью. Но оставалось что-то, чего я не понимал.

Или все-таки Крис просто сбежал? Может, ему было плохо дома? Может, у копов имелись какие-то подспудные подозрения относительно Вильяма, которые они не могли доказать, чтобы внести в отчет? Почему, черт побери, всем было настолько наплевать?

Глава 11

Подозреваемый

Думаю, я могу написать программу, которая с ненулевой долей вероятности определит вашу профессию по взгляду и позе. Врачи осматривают вас, как фермер теленка. Ученые смотрят в точку перед вами, сосредоточившись на ваших словах или собственных умных мыслях. Копы смотрят вам в глаза. Они не отводят взгляд, потому что у них есть пистолет и официальное право на насилие. Если же это вас не пугает и вы тоже не отводите глаза, они могут вызвать по рации подкрепление из еще большего количества копов с оружием.

На выходе из архива, отягощенный грузом новых данных и собственных умных мыслей, я чувствую на себе пристальный взгляд полицейского. Что в принципе неудивительно – тут их полное здание, но этот смотрит именно на меня. Средних лет, лысый, с густыми черными усами, чуть тронутыми сединой, одет в форменную рубашку с коротким рукавом, на одном бедре жетон, на другом пистолет – образец копа из палаты мер и весов. На мгновение я задумываюсь: может, именно за такой вид берут в академию.

– Нашли, что искали, доктор Крей? – спрашивает он.

Раньше взаимодействие с полицией давалось мне с боль-

шим трудом. До истории в Монтане. Не то чтобы я стал асом общения теперь, но, по крайней мере, научился стоять с видом честного идиотизма на лице. Я расплываюсь в добродушной улыбке и протягиваю руку:

– Здравствуйте! Как поживаете?

Он автоматически пожимает мою ладонь. Выражение его лица слегка меняется: он все еще смотрит прямо в душу, но теперь пытается понять, что я такое, а не подчинить.

– Напомните, как вас зовут? Мы встречались на конференции по контртеррору в Сан-Диего, да? Вы были на моей лекции?

Этим я показываю, что, как минимум, равен ему. Но он приходит в себя.

– Нет, мы не встречались, – следует небольшая пауза. – И вы это прекрасно знаете.

На этом мои навыки общения исчерпаны, и чтобы понять, что вообще происходит, мне остается только одно: снова стать настоящим доктором Креем.

– Ну, что ж. Ответ на ваш вопрос: нет, не нашел. А чего хотите вы?

Выражение его лица смягчается.

– На самом деле, просто поболтать. У меня офис через дорогу. Не против поговорить там?

– Мне нужен адвокат для этого разговора?

– А что, обычно вы разговариваете с людьми только в присутствии адвоката?

– Ну, если учесть, что в последний раз, когда полицейский предложил мне просто поболтать, это бы сильно помогло.

– Понимаю. Но нет, пока у вас нет проблем. И я просто хочу помочь их не приобрести.

– Звучит угрожающе.

– Просто дань вежливости, поверьте.

Мой опыт общения с правоохранительными органами показывает, что большинство полицейских на самом деле – очень хорошие люди, выполняющие тяжелую работу. И даже большие засранцы, с которыми мне приходилось сталкиваться, были готовы защищать товарищей. К сожалению, меня они при этом воспринимали как угрозу. А еще, как я узнал от детектива Гленна, который пожертвовал своей жизнью ради Джиллиан и меня, действительно хорошие полицейские работают на двух уровнях.

Как актер, сотый раз исполняющий роль Гамлета, на самом деле размышляет на сцене, что сегодня на ужин, или хирург, который может оперировать хоть во сне, хороший коп будет задавать вам вопросы и дружелюбно болтать и в то же время подводить к одному ему ведомой цели. И может даже эта цель – не поймать вас на мелкой ошибке или найти зацепку. Чаще всего главная задача просто заставить вас раскрыться, чтобы понять, скрываете ли вы что-нибудь и *как* вы вообще что-то скрываете. Как ученые, они собирают данные. Задают вопросы, ответы на которые им прекрасно известны. А также неудобные вопросы. Подкидывают поводы соврать

по мелочи, чтобы понять, как вы врите по-крупному.

Именно поэтому первое, что советует адвокат – не открывать рта. Если вам повезло, это будет первый и последний опыт общения с полицией. А вот они делают это каждый день. Они видели тысячи лжецов и слышали бесчисленное количество лжи. Поэтому вашу они видят насквозь. Но в глаза вам об этом не скажут, нет, они позволяют вам болтать и громоздить одну ложь на другую с чувством глубокого превосходства над бестолковым полицейским. В результате они добиваются того, чтобы вы ушли с уверенностью, что всех обманули. Ну, или окончательно запутались у них на глазах. Это уже зависит от того, как они решат действовать именно с вами.

Пока мы идем к нему в кабинет, до меня доходит то, что должно было дойти, как только я его увидел: это же детектив Корман, который вел дело. Что весьма неожиданно, так как я уверен, что дежурная в архиве никому не звонила. Корман знал обо мне еще до того, как я пришел сюда. Даже до того, как решил, что это нужно сделать. И от понимания данного факта мои мысли пускаются вскачь.

Глава 12

Соучастники

Корман ставит передо мной бутылку воды и шлепает стопку папок на стол в переговорной, куда мы пришли, и лишь затем усаживается напротив. За стеклом патрульные и детективы снуют туда-сюда, разговаривают по телефонам, работают за компьютерами или просто болтают. Если не обращать внимания на форму, – обычный офис, разве что многовато загорелых рук и усов.

– Ваша история в Монтане, я читал о ней. То еще испытание, – говорит Корман.

– Да уж, – сухо отвечаю я.

– Что вы знаете о Вильяме Бостроме? – спрашивает детектив, и я уверен, что сейчас он расскажет мне что-то, чего я точно не знаю.

– Убитый горем отец, вдовец, бухгалтер. Хороший человек.

– Да, Вильям такой. Большинство из них такие.

– Из них?

– Вильям что-нибудь рассказывал о своих клиентах?

– Нет, мы не обсуждали его работу.

– Самый серьезный его клиент – человек по имени Джастис Мэтис. Владелец сети автоматических прачечных, трех

касс по обмену чеков и нескольких магазинов подержанных машин.⁷

– Похоже, успешный предприниматель, – говорю я, а про себя думаю, что для одного бухгалтера такая нагрузка, мягко говоря, слишком велика.

– О, да, весьма успешный. Только раньше его звали иначе – Мастер Смерть, и был он главарем Девяносто девярых, шайки, отколовшейся от Хромых. Название шайка получила по числу конкурентов после того, как главарей Хромых и Кровавых по⁸ садили, а среди оставшихся на свободе гангстеров разгорелась борьба за власть.

И самое интересное в Джастисе, что он вырос вроде бы тут, неподалеку, но никогда толком не был своим. Отец – адвокат. Он сам играл в футбол за университетскую команду и всегда был умнее своих дружков с улицы. А главное, умел вести себя, как гопник, а думать, как бизнесмен.

Вместо того чтобы просаживать деньги с такими же бандитами, как он сам, Джастис искал общество классом выше, без криминального прошлого. И через новых знакомых вкладывался в недвижимость и бизнес, причем предельно

⁷ Пособие по безработице и другие субсидии в Америке выдаются в виде специальных чеков, на которые можно приобретать товары и услуги, а также обменивать на наличные. Кассы по обмену чеков – традиционный вариант прикрытия нелегальных финансовых организаций.

⁸ Хромые, Калеки, (*англ.* Crips) – многочисленная уличная банда, преступное сообщество в США, состоящее преимущественно из афроамериканцев. Насчитывает более 60 000 членов.

легально.

– И что вы хотите всем этим сказать? – спрашиваю я.

– Что Вильям – аферист, работающий на другого афериста. На преступника, замешанного во множестве убийств.

– Тогда почему он до сих пор на свободе?

Металлические шкафы с документами и запертый кабинет Бострома становятся более понятны, но тем не менее.

– Это не по моей части. Такие дела быстро не делаются.

Ага, похоже, за Вильямом наблюдают, а я сижу здесь именно поэтому – белый гость-незнакомец из другого города заинтересовал следивших.

– Это все, конечно, звучит... настораживающе, но на самом деле мне все равно, чем он зарабатывает на жизнь и кто его босс. Я хочу только разобраться, что произошло с его сыном.

– Ага. – Корман выуживает из бумаг на столе конверт и толкает его по столу ко мне.

Последний раз, когда при мне полицейский так делал, внутри были фотографии тела.

– И кто жертва? – спрашиваю я, не прикасаясь к конверту.

Корман понимающе усмехается и кивает.

– Не первый раз общаетесь с полицейскими? Жена Вильяма. Он рассказывал, как она погибла? – Коп смотрит на меня, ожидая, что я скажу что-нибудь или возьму конверт.

Несмотря на всю мою сдержанность, с моим-то любопытством шансов не влезть в этот конверт у меня ровно ноль. Я

достаю фотографию, в чем тут же раскаиваюсь. На ней молодая чернокожая женщина в луже крови, с пулевыми отверстиями в груди и голове.

— Это произошло за год до пропажи Кристофера. Тело нашли в одной из каморок клининговой компании в Линвуде, на самом деле там считали черную наличность. В газетах написали, что это был налет конкурирующей группировки.

— Но вы так не считаете? — говорю я, хватая наживку.

— Деньги принадлежали Джастису, в этом мы практически уверены. Но полагаем, что налет, в процессе которого погибли три человека, заказал он сам.

— Зачем?

— Потому что они его обворовывали.

— Жена Вильяма воровала у его главного клиента?

— Бренда, ее звали Бренда, и да, воровала. Более того, мы подозреваем, что Вильям об этом знал.

Я пытаюсь уместить эту мерзость в голове.

— Но вы говорите, что Вильям все еще работает на Мэтиса.

— Ага. Он прекрасно понимает, что на фото мог быть его собственный труп. Он облажался перед Мэтисом, и ему преподали урок. Почему Вильям не сорвался? Может быть, боится. Или не может до конца поверить, что именно Мэтис заказал убийство. Или между Вильямом и Брендой было уже сильно не все в порядке, черт его знает. Они тогда плотно сидели на наркотиках и были далеко не образцом примерного поведения. Да может, вообще, он сам стрелял.

Корман наблюдает за моей реакцией на эти слова. Но я не могу представить Вильяма хладнокровным убийцей. Да, подумать тут есть о чем, но к причине моего приезда сюда ничего из этого отношения не имеет.

– Но у нас все-таки остается пропавший ребенок. Или он тоже воровал у Мэтиса? – спрашиваю я с сарказмом.

– Я думаю, что он пропал, потому что у него были очень хреновые родители.

Несмотря на то, что идея участия Вильяма в убийстве жены вызывает у меня двойственную реакцию, представить, что он продолжил работать на Мэтиса, подозревая того в убийстве сына, я решительно не могу. Под тонким слоем спокойствия и холодного расчета я вижу человека на грани. Не думаю, что он мог спокойно пережить, как у него отнимают самое дорогое, что осталось в жизни.

– У вас есть дети? – спрашивает Корман.

– Нет, – отвечаю я. Само понятие для меня пока чуждо.

– Тем не менее думаю, вы можете представить, как сделали бы все, чтобы отомстить, если вашему ребенку причинили бы вред. И есть только один фактор, который мог бы этому помешать, – вина. Если бы вы знали, почему это произошло. Вы бы так и мучили сами себя, уходя в эмоциональный штопор. Вильям ищет объяснение произошедшему в чем угодно, кроме своих действий. Это для него слишком.

– Короче, вы хотите сказать, что это – дело ОПГ?

– Это рабочая версия.

– Тогда ответьте мне на один вопрос...

– Давайте!

– Что именно, черт подери, случилось с Кристофером?

Можно наклеить ярлык «дело ОПГ» или «это все из-за наркотиков», но преступление этот ярлык не раскрывает. Факты остались фактами: кто-то похитил ребенка, и мы не знаем кто.

Корман воспринимает это спокойно. Он просто двигает ко мне толстую стопку папок.

– Выбирайте.

Он вытаскивает наугад папку и открывает ее. На первой странице фотография мрачного мужика с татуировкой в виде гранаты на лице.

– Как насчет Донала Малого? Три доказанных убийства, как минимум десятков нападений со стрельбой отсюда до Лас-Вегаса.

Другая папка.

– Или вот, Чемчи Парк. Отличный парень. Грохнет даже рыбок в аквариуме. Или Джейсон Карвер. Застрелил двух десятилеток на утреннике. И их тут таких полно. Кто-то работает на Мэтиса, кто-то просто вольный стрелок, и каждый мог убить Кристофера.

– А где тело?

– Может, в старой цистерне в Бейкерсфилде, а может, в печи. Вполне вероятно, что от мальчика в буквальном смысле не осталось и пыли. А может, и правда, Мэтис тут ни при

чем. Может, наоборот, конкуренты хотели отправить ему самому послание, убив ребенка относительно важного сотрудника. Что я хочу сказать...

– Вы хотите сказать, что у вас есть тысяча причин наплевать на это дело. Я понял. Для себя вы уже все раскрыли – только осудить и посадить некого.

Я раскладываю перед собой открытые папки потенциальных подозреваемых и всматриваюсь в лица на фотографиях.

– Скажите вот еще что: из этих господ кто-нибудь производит впечатление гиганта мысли?

– Ясное дело, нет. К чему вы?

– Велосипед мальчика нашли совсем не там, где он обычно ездил в школу.

Корман пожимает плечами.

– Восемь часов прошло между пропажей и началом поисков, он мог быть уже в соседнем штате.

Я вытаскиваю телефон и открываю фотографию велосипеда. Что-то с ним было не так с самого начала, но только сейчас я понял, что именно.

– Вот, гляньте.

– Велосипед. И?

– Отпечатки пальцев с него снимали?

– Пропал ребенок, а не велосипед!

– Ладно. На мой взгляд, не очень дотошная работа, но это ваша работа, а не моя. Я – ученый. Смотрите внимательнее.

Корман вместо фотографии злобно смотрит на меня.

– На что?

– Велосипед нашелся, но чего-то не хватает. И может, именно поэтому стоило бы снять отпечатки.

– Вы испытываете мое терпение!

– Замок! – Я тыкаю в фотографию. – Велосипедного замка нет. Я не могу представить велик без замка в Южном Централле.

Я увеличиваю фото.

– Смотрите, место, где цепь обычно намотана на раму, все исцарапано.

– Не слишком мелкая деталь, чтобы орать: «Эврика!»?

– Слишком. Но эта деталь доказывает, что свою работу вы сделали хреново. И продолбали прямо из-под носа единственную улику, с которой могли работать криминалисты. Не уверен, в состоянии ли кто-нибудь из уголовников, которых вы мне показали, подумать о том, что нужно замести следы и выкинуть велосипед вдали от места преступления. Может, и в состоянии. Но Кристофер – не его отец и не Мэтис. Он этого не заслужил!

– Ладно, умник. Вот вы уже учите нас, как работать. Я подозревал, что рано или поздно это начнется.

Он достает еще одну стопку дел. Намного толще в этот раз.

– Тогда изучите вот это. Больше сотни пропавших детей за последние десять лет. Но только забирайте их с собой в Техас, а от г-на Бострома держитесь подальше. И да, не забудь-

те сообщить ему об этом разговоре.

То, что Корман выдает все это сам, говорит о том, что за Мэтисом и Вильямом ведется самое пристальное наблюдение. И в ближайшем будущем наблюдатели перейдут к делу. Я уверен, что, в общем и целом, детектив Корман рассказал все, как есть. Но при этом он явно видит только то, что хочет видеть. Но есть что-то еще, какие-то недостающие детали. У меня появилась масса вопросов к Вильяму, но прежде чем их задавать, стоит разузнать о нем побольше.

Глава 13

Денежный след

Кто же ты на самом деле, Вильям Бостром? Убитый горем отец или банкир местного Пабло Эскобара?

Корман дал мне пищу для размышлений, не говоря уже о ни с того ни с сего свалившейся на меня сотне дел о пропавших детях. Выглядит это так, будто он хочет показать, что у него и без того дел по горло, а заодно и оправданием, если я найду что-то, что он пропустил. Хотя вероятность этого исчезающе мала в свете услышанного мной о Вильяме. Так что пришла пора собрать собственное досье на мистера Бострома.

Я припарковался напротив его дома на взятой напрокат машине и позвонил, сказав, что задержусь на пару часов. Стандартная практика научных экспериментов – постараться минимизировать влияние наблюдателя на наблюдаемый объект или процесс. Неважно, считаете вы волков на Аляске или измеряете путь фотона через арсенид галлия, ни те, ни другие не должны знать, что вы подглядываете. Через двадцать минут после звонка Вильям выходит из дома, садится в машину и уезжает.

Он едет в Комптон, а я следую за ним в паре кварталов, чтобы слежка не была очевидной. Для начала он останавли-

вается около автоматической прачечной, из тех, о которых говорил Корман. Проводит внутри примерно пятнадцать минут и снова садится в машину. С собой у него ничего нет. Дальше процесс повторяется еще десять раз в течение двух часов. Вильям останавливается у аналогичных прачечных с полным соблюдением процедуры: вошел, вышел, поехал дальше. Ничего не принес, ничего не унес. Я размышляю, в скольких из них стирают белье, а в скольких – отмывают наркодоходы. Хотя навряд ли: прачечная, где нужны мелочь и пятерки, – не лучшее место для хранения двадцаток и соток, которые обычно тратят на кокаин.

Логичнее предположить, что Вильям случайным образом проверяет отчетность. В прачечной полно мелкой наличности, и у нечистого на руку работника велик соблазн запустить руку в кассу. Наверняка Вильяму и его боссу Джастису Мэтису хватило ума понаставить скрытых камер, чтобы пресекать мелкое воровство и мухлеж с жетонами для машин.

Закончив с прачечными, Вильям едет в чековую кассу. Ко входу вытянулась длинная очередь, состоящая преимущественно из мексиканцев, терпеливо ожидающих возможности поменять чеки или выпросить аванс до следующего пособия. Эта система всегда меня поражала. Государство неоднократно пыталось реформировать и регулировать ее, запрещать неравноценный обмен и ссуды до получки под дикие проценты. Я все понимаю про необходимость защиты обездоленных, однако не уверен, что закрытие таких лавочек

способствует уменьшению долгов, а не просто уводит весь этот бизнес в серую зону. Но я биолог, а не экономист, и только знаю, что если разрушить одну экосистему, на ее месте тут же возникнет другая, еще более хищническая. В любом случае дела у этой лавочки явно идут бойко. Витрина и вывеска аккуратные и даже модные – не отличишь от банка, в общем, лавка не производит впечатления мафиозного притона. Может, будь я копом, для меня это выглядело бы иначе.

Вильям выходит из кассы и садится в машину. Мой телефон жужжит. Пришло сообщение: «Буду занят еще час. Телефон выключу».

Так-так, если это не банальная поездка к проституткам, то намечается что-то интересное. Я следую за машиной Вильяма, которая едет в район к северу от Комптона. Вот он въезжает в тупик, конец которого перегораживают автоматические ворота. За ними виднеется двухэтажный дом. Темнеет, но дом ярко освещен, и я вижу, как за панорамным окном второго этажа проходит пожилая чернокожая женщина, одетая, как любила одеваться моя мать.

Я забиваю адрес в поисковик, чтобы выяснить, кто же здесь живет. Из жилищного реестра следует, что дом принадлежит компании «Оушен Дрим Холдинг». Поиск по названию компании выдает только информацию о лос-анджелесской адвокатской конторе.

Я настолько увлечен телефоном, что совершенно упускаю

момент, когда у моего окна появляется вооруженный человек с фонарем, стучит в стекло и требует выйти из машины. Первый порыв – просто уехать, но, проморгавшись, я вижу, что дорогу мне перегораживает еще один человек с сотовым телефоном в руке. Я опускаю окно, но вылезать не тороплюсь. Наконец, я могу разглядеть одежду незнакомца – на нем форма охранника.

– Чем могу помочь? – спрашиваю я, собирая все свое спокойствие в кулак.

– Могу я узнать, что вы здесь делаете? – вежливо переспрашивает первый охранник, продолжая светить мне в лицо. В это время его компаньон, одетый в джинсы и свободную рубашку, фотографирует меня на телефон и отходит в сторону.

Я еще раз внимательно окидываю говорящего взглядом, чтобы убедиться, что это именно охранник.

– Вообще-то, занимаюсь своими делами. И не могли бы вы не светить мне в лицо, иначе придется вызвать полицию и обвинить вас в нападении.

Немного высокомерно, но мы на улице – это общественная территория.

– Нам поступила жалоба, что кто-то подглядывает в окна.

– Ну, так прекратите подглядывать. А я поехал.

Я продолжаю болтать, не отрывая взгляда от второго, в попытке понять, что происходит.

– Не так быстро! – рывкает охранник и хватается за руль через

открытое окно.

Черт! Ситуация резко ухудшается.

В это время возвращается его коллега и что-то произносит охраннику в ухо. Это звучит подозрительно похоже на «Не полицейский». В одно мгновение тот выхватывает пистолет и орет: «Выйти из машины, быстро!»

Я размышляю, что пристрелить он меня мог и раньше, так что шансы, что это какое-то недоразумение и оно сейчас разрешится, все еще есть. Да, я оптимист. Охранник открывает дверь машины, в то время как его коллега стоит поодаль и держит руку за спиной, возможно на рукоятке пистолета. Меня грубо разворачивают и вынимают бумажник из заднего кармана.

– Так, посмотрим, кто тут у нас.

Я не уверен, как они отреагируют на мое удостоверение. В сумке лежит пистолет, и она в общем-то практически под рукой, но шансов дотянуться до нее раньше их, если дело дойдет до стрельбы, – никаких. Меня разворачивают еще раз, снова светят в лицо.

– Ну и что ты здесь вынюхиваешь, деревенщина?

– Проверь руки, – говорит второй.

– Закатай рукава, – орет охранник.

Я стараюсь вести себя максимально спокойно.

– А у вас точно есть на это право? – говорю я, задирая рукава куртки. Он светит на мои предплечья.

– Ничего, – бросает он второму и снова светит в лицо.

– Федерал?

– А это будет хорошо или плохо?

– Лицензия детектива у него есть? – спрашивает тот, что в джинсах.

– Не-а.

– Тогда давай просто надерем ему задницу.

– Стойте! – раздается крик Вильяма с другой стороны улицы. – Отпустите его!

– Ты знаешь этого болтливого придурка? – спрашивает охранник.

– Да, он со мной.

– А Мэтис знает об этом?

Вильям наконец добегают до нас.

– Да, да, Мэтис хотел с ним поговорить. Тео, извини, я, э-э-э, совсем забыл, что мы договорились встретиться тут.

Он явно знает, что я ехал за ним, но не хочет афишировать это перед охраной. Интересно, так он выгораживает меня или себя.

– Пойдем, наконец ты встретишься с Джастисом Мэтисом.

Глава 14

Враг народа

Воплощение зла, как его представил детектив Корман, сидит у журнального столика, потягивая одну из этих модных минерлок. На столике лежит альбом с картинами Джеймса Таррела, а дочь-школьница Мэтиса сидит на кухне с бабушкой над университетским курсом истории Европы.

Атлетично сложенный, что только подчеркивается черным, сидящим по фигуре свитером, он вполне может сойти за успешного адвоката или политика на подъеме карьеры. Мозг отказывается видеть в этом интеллигенте, на лице которого явно написано несколько высших образований, беспощадного гангстера, взошедшего на нынешнюю кровавую вершину по трупам собственноручно убитых врагов и соперников. Но в последнем я не сомневаюсь ни секунды. Мэтис — самый умный, внимательный и харизматичный человек, что я встречал. Знаете, да, как все в помещении млеют, когда входит президент или улыбается Брэд Питт. Вот, Мэтис вызывает такую же реакцию. И Тед Банди, кстати говоря, тоже вызывал, и Джо Вик, если верить рассказам. Хотя моя встреча с ним прошла совсем с другим эмоциональным настроем.

Не то, чтобы я был стопроцентно уверен в непричастности Мэтиса к исчезновению Криса. Но было понятно, как он

достиг нынешних высот, а также почему такие, как детектив Корман, терпеть не могли его самого, с этим вот дорогушим домом, в котором он мог попивать элитную минералку и готовить дочь к Лиге Плюща.

– Прежде всего, профессор Крей, прошу извинить мою слишком резкую охрану. Знаете, приходится помнить о старых бурных деньках и оставшихся с тех пор врагах.

Бурных деньках. Вот, значит, как это теперь называется.

– Надеюсь, я не похож на одного из них?

– Вы не поверите! Некоторые насмотрятся «Сынов анархии» и вообразят себе невесть что.

Я смутно припоминаю телесериал о банде байкеров, в которых состояли исключительно белые. Интересно, неужели теплая компания на входе приняла меня за кого-то такого? Хм, тогда, пожалуй, те самые бурные деньки – не такие уж и старые.

– Во-вторых, – продолжает Мэтис. – Я хочу поблагодарить вас за помощь Вильяму. Он мне как брат, и потеря Криса далась мне очень тяжело, я как будто потерял собственного сына.

Правда? А, интересно, искать его Мэтис пробовал? И вообще, хоть что-нибудь по этому поводу предпринял?

– Даже не знаю, смогу ли я чем-то помочь! Дело Вильяма, точнее, Кристофера, пока выглядит безнадежно.

Мэтис с сочувствием кивает.

– Да, Вильям говорил, что вы ходили в местный полицей-

ский архив, смотрели дело. Удалось что-то выяснить?

Еще как удалось! Только не уверен, что стоит делиться выясненным с Мэтисом.

– Да. Расследование тщательным никак не назовешь.

Я поворачиваюсь к Вильяму.

– Зато удалось поговорить с детективом, который вел дело.

– С Корманом?

– Да, с ним самым.

– Со мной он уже давно не разговаривает.

– Похоже, он сдался, – внезапно я понимаю, что добавить к этому мне больше нечего.

– Корман обвиняет во всем меня? – спрашивает Мэтис. – Говорит, что Криса похитили, потому что его отец работает на гангстеров?

Грубо, но точно.

– Не напрямую, но, да, именно так.

– Наверняка достал папку и стал рассказывать, какой я тут местный Аль Капоне?

– Скорее Пабло Эскобар, по моим ощущениям.

Мэтис кивает и обращается к Вильяму.

– Напомни, сколько раз нас проверяли?

– Девять. До суда так и не дошло.

– А сколько было рейдов с обысками?

– Пять.

– Что-нибудь нашли?

– Один раз.

– Что?! – Мэтис меняется в лице.

– Нарушение санитарных норм. Ваша двоюродная сестра положила сырое мясо на стол, где собирают бургеры. Заведение закрыли.

Мэтис поднимает руки в жесте преувеличенной покорности.

– Ладно-ладно, ставить мою туповатую сестренку управлять бургерной не стоило. Признаю ошибку.

Я не могу сдержать улыбку, так хорошо разыграна эта сцена. Наверняка он повторяет это мини-представление перед друзьями и партнерами каждый раз, когда всплывает тема преступных связей. Но в то, что он белый и пушистый, я ни секунды не верю еще и потому, что его интеллект виден за версту. Да, обычные копы привыкли арестовывать бестолковых бандитов, не закончивших и десяти классов, но Мэтис явно не в их умственной категории. Сейчас точно не скажешь, имеет ли он отношение к делу Вильяма, но совершенно точно, что за пределами своего офиса он ни к чему противозаконному сейчас и на пушечный выстрел не подходит.

В тот момент, когда один громила-охранник проверил мою фотографию и сказал другому, что я не полицейский, все стало предельно ясно. С организацией, где есть база всех местных офицеров, так просто не справишься. Но это мне на самом деле и неважно. Важнее, участвовал ли он в похищении Криса, а в остальном пусть им занимается полиция

Лос-Анджелеса.

– Вот что говорят в полиции, – рассказываю я Мэтису. – По статистике, большинство похищений так или иначе связаны с наркоторговлей, поэтому о них не заявляют. Корман предполагает, что, похитив Кристофера, кто-то из банд пытался надавить на Вильяма. Или на вас через него.

Мэтис произносит низким голосом:

– Я похож на человека, на которого легко надавить? Скажите-ка вот что: а почему вообще вы здесь? – он останавливает меня прежде, чем я успеваю начать отвечать, и продолжает: – Я имею в виду, не почему вы помогаете Вильяму, а вообще, почему вы до сих пор ходите и разговариваете, например, со мной, а не валяетесь в виде трупа в Монтане?

Он явно пообщался с Вильямом обо мне.

– Потому что убийца добрался до тех, кто мне дорог.

– Двухметровый громила, убивший до этого семь полицейских, добрался до ваших близких. Вы его нашли и остановили, насовсем. Как вы считаете, что стало бы с тем, кто попытался бы добраться до моих близких. Особенно учитывая собственные слова, что я скорее местный Пабло Эскобар, чем Мать Тереза? Как вы думаете, о скольких трупах написали бы газеты.

– Да, я понимаю, о чем вы. Разве что это как раз *ваших* рук дело.

– Моих? – Мэтис с изумлением переводит взгляд на Вильяма. – Моих-то с чего?

– Как насчет матери Криса?

Мышцы на шее Мэтиса заметно напрягаются, а Вильям задерживает дыхание.

– Мэтис здесь совершенно ни при чем! – умоляющим голосом восклицает Вильям. – Совсем ни при чем! Зачем вообще это было вспоминать. Нельзя так говорить.

– Знаешь, это низко, – отвечает Мэтис после долгой паузы.

Я знаю, что хожу по лезвию, но мне нужно проверить свою теорию до конца:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.